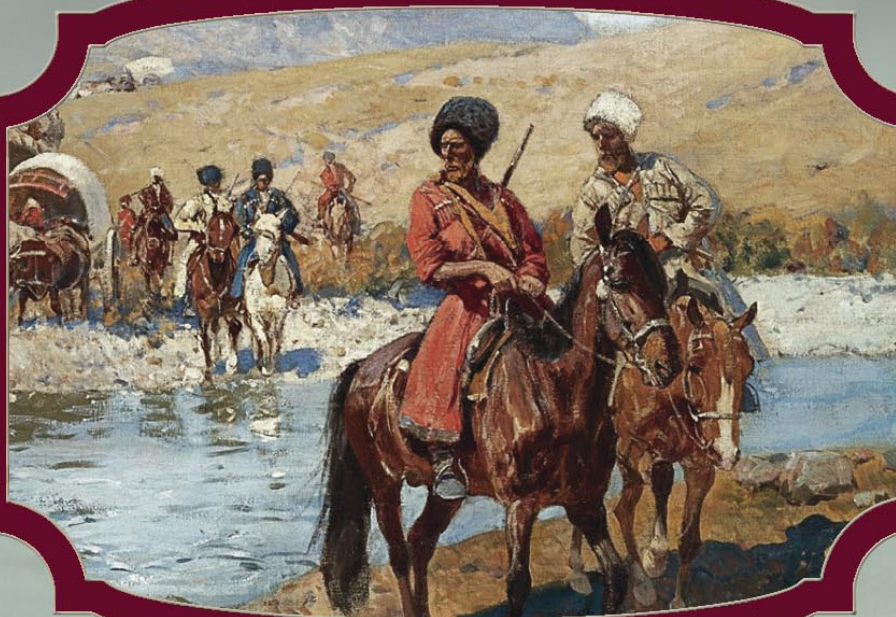

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ И ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХ НА КАВКАЗЕ

НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩИЕ
ЗАКАВКАЗЬЕ

Абхазцы, сванеты, картвельское племя,
грузины, имеретины, мингрельцы, гурийцы,
тушины, пшавы, хевсуры, армяне, жители
мусульманских провинций Закавказья

История войны и владычества русских на Кавказе

Николай Дубровин

**История войны и владычества
русских на Кавказе. Народы,
населяющие Закавказье. Том 2**

«Центрполиграф»

1871

УДК 93/94
ББК 63.3

Дубровин Н. Ф.

История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Закавказье. Том 2 / Н. Ф. Дубровин — «Центрполиграф», 1871 — (История войны и владычества русских на Кавказе)

ISBN 978-5-227-06587-2

Второй том фундаментального труда Н.Ф. Дубровина – историка, академика, генерала – посвящен народам Закавказья.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06587-2

© Дубровин Н. Ф., 1871
© Центрполиграф, 1871

Содержание

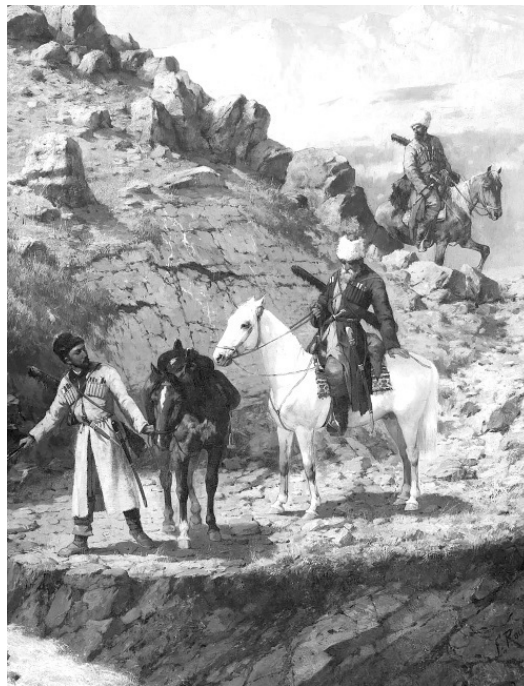
Абхазцы (азега)	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Дубровин

История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Закавказье. Том 2

Народы, населяющие Закавказье.

Абхазцы, сванеты, картвельское племя, грузины, имеретины, мингрельцы, гурийцы, тушины, пшавы, хевсуры, армяне, жители мусульманских провинций Закавказья

Оформление художника Е.Ю. Шурловой

Абхазцы (азега)

Глава 1

Место, занимаемое абхазцами, и разделение их на отдельные поколения. Характер местности, занятой абхазским племенем. Экономический быт населения. Монетная система, существовавшая у жителей гор. Климатические особенности страны

Непосредственно за убыхами, подвигаясь на юго-восток по берегу Черного моря, путешественник переселяется в совершенно другой мир. Хребет Кавказских гор, постепенно удаляясь от моря, дает место прекраснейшим плодородным равнинам. Обнаженные горы и скалистый берег, пересекаемый множеством ущелий, не дают более путника. Напротив, он видит перед собою вечно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самые высокие отроги гор, спускающиеся к морю и покрытые большою растительностью.

Эта благодатная страна населена племенами абхазскими, или племенем *азега*. Абхазцы разделяются, подобно черкесам, на многие племена, имеющие каждое свое собственное наименование.

Так, по берегу моря, от реки Хамыш до Гагринской теснины, жили *джетты*, которые сами себя называют *садзен*. Они дробились на множество вольных обществ, и число их не превышало 11 000 душ. Восточнее их, и на юг от убыхов, в горных долинах рек Мзымты, Бзыба, Ахчипсоу, Псху, Аибга, Багага и Цвиджа жили *медзюи*, или *медовеевцы*, число которых доходило до 10 000 душ. Они разделялись на три главные ветви: Псху, Ахчипсоу и Аибга (Айбу).

Начиная от Гагр, по берегу моря до реки Ингура, поселились жители *Абхазии*, которые сами себя называют *абсуа*, а страну, ими занимаемую, *Абсие*.

Абхазия разделялась на три главные части: *собственно Абхазию*, которая вся до последнего времени находилась во владении фамилии князей Шервашидзе и простиралась по берегу моря, от Гагринской теснины и рек Гагрыпша и Псху до реки Галидзги; число жителей Абхазии не превышало 80 000 душ; *цебельдинцев* или *замбал*, живших выше абхазцев, в горных долинах по верховьям реки Кодора и преимущественно в долине Дал. Черкесы называют цебельдинцев хирп-куадж. Третий отдел абхазского племени были *самурзаканцы*, занимавшие землю по берегу Черного моря, между реками Галидзгой и Ингуром¹. Самурзакань заселена преимущественно переселенцами, одновременно переходившими сюда на жительство из Абхазии, Имеретии, Гурии и Мингрелии. От этого в западной части Самурзакани преобладает абхазский элемент, а в восточной – мингрельский; точно так же и язык в Западной Самурзакани абхазский, а в Восточной слышится особое наречие мингрельского языка. Все население Абхазии в тридцатых годах простиралось до 90 000 душ жителей².

К абхазскому племени принадлежат и так называемые *абазинцы* (или абадза).

Внутренние раздоры, кровомщение и недостаток в удобной земле, и в особенности пастбищных земель, заставили небольшую часть абхазцев переселиться сначала во внутренность гор к источникам Кодора, Бзыби и Мзымты, а потом, не находя и здесь достаточно средств для существования, некоторые семейства, с согласия кабардинцев, перевалили через Главный хребет, на северную сторону гор, и поселились там в недалеком друг от друга расстоянии.

Севернее всех расположились *баракай* (или бракий), жившие в горах в верховьях реки Гупс и между рек Белой (Схагуаше) и Хагур (Ходзь), впадающей с левой стороны в реку Лабу. Племя это было не многочисленно. Составляя не более 1250 человек жителей, оно было разделено между двумя дворянскими фамилиями. На юг от баракайцев, в верховьях реки Хагур (Ходзь), у подошвы горы Ашишбаг³, жило племя *баг*, заключавшееся в одном Баговом ауле с 600 душ населения. Рядом с ними, в верховьях реки Малой Лабы, жило племя *шегерай*, а еще восточнее, в верховьях реки Большой Лабы, выше бывшего Ахметовского укрепления, род *там*.

Первые составляли население в 600 душ и находились под властью узденей Шиокум, а вторые, числом в 550 душ, повиновались узденям Заурум-ипа. На юг от этих двух родов, между реками Большою и Малою Лабою, жило до 500 душ казильбеков (или казбек-кадж), среди которых господствовала фамилия Маршаниев.

На юго-восток, у верховьев рек Урупа и Большого Зеленчука, жили *башилбайцы*. Они находились под властью Маршаниев, и число их не превышало 1800 душ.

Наконец, к абазинцам принадлежал род басхог, разбросанный отдельными аулами и известный у татар под именем *алты-кесек* (шестиродные). Род этот состоит действительно из шести племен, носящих имена своих владетелей: *биберд*, *лоу* или *лов*, *дударук*, *кияш*, *джантемир* и *клишь*. Бибердов аул существовал на Урупе до 1829 года, когда он был совершенно разорен русскими войсками и жители его переселены в наши пределы. Лоов аул был расположен по правую сторону Кубани, подле реки Кумы; Дударуков – на левом берегу Кубани, против Баталпашинской станицы; Клишь – на реке Малый Зеленчук, Джантемировых аулы и Кияш – по Куме и Подкумку, небольшими усадьбами, до самой Кисловодской крепости.

Башилбай, *там*, *казильбек*, *шегерай*, *баг*, *баракай* и *басхог* находились в зависимости от различных черкесских князей (племени адиге) и платили им дань. Обратив их в своих данников, черкесские князья, не признавая владетелей этих родов князьями, отказывали им в этом титуле.

¹ Некоторые причисляют самурзаканцев к грузинскому племени.

² В 1865 г. в округах Сухумском, Бзыбском, Абжывском и Цебельде было 79 190 душ обоего пола.

³ Название горы дано по имени дворянской фамилии, владевшей Баго-вым аулом.

Поколение басхог, до тридцатых годов настоящего столетия, принадлежало еще к кочующим племенам. Зиму они проводили в аулах, а летом кочевали с места на место, перевоза свои пожитки на двухколесных арбах, подобно татарам. Главное их богатство составляли большие отары овец, из шерсти которых они приготавливали сукно, довольно грубого качества.

Всего абхазского племени, в середине тридцатых годов, насчитывали на Кавказе около 128 800 душ.

Башилбайцы, казильбеки и баракайцы, до подчинения их русской власти, отличались от своих соседей особою бедностью и суровостью нравов и имели одинаковый образ жизни и обычаи с закубанскими черкесами. Будучи загнаны в непроходимые и бесплодные ущелья, они, по необходимости, одичали и принуждены были, в обеспечение себя от голода, обратиться к разбоям и хищничеству. Воровство, коварство и измена стали неизбежным последствием такой жизни.

Разместившись по обоим склонам Кавказского хребта, абхазское племя пользовалось не одинаковыми дарами природы. Население, расселившееся в горах и на северном склоне Кавказского хребта, не пользовалось таким богатством растительности, каким наделены были жители побережья Черного моря. Оттого жители горного пространства, принадлежащие преимущественно к абазинскому роду, по характеру самой местности, отличались наибольшею суровостью, но вместе с тем и чистотою нравов, чем жители низменных мест, обитавшие по предгорьям и берегу Черного моря. Сходство местности горного пространства и северных склонов Кавказского хребта с тою, которую населяли черкесы, причиною тому, что абазинцы, в своих нравах, обычае и образе жизни, сходны во многом с черкесами, тогда как собственно абхазцы, в этом отношении, имеют свою отличительную особенность.

Занимая пространство верст на тридцать в ширину и около 120 верст в длину, Абхазия составляет один из редких и прекраснейших уголков Закавказья, по богатству и разнообразию природы. Здесь есть горы, с покрытыми вечно снежными вершинами, и вечно зеленеющие долины, бездонные пропасти с шумными водопадами, непроходимые девственные леса, с множеством ручьев и речек, и, наконец, Черное море – с довольно удобною и всегда безопасною Сухум-Кальской бухтой, где на берегу, под открытым небом, вы встретите в апреле цветущие деревья чая и других тропических растений. Целая улица роз еще так недавно украшала город Сухум, но была уничтожена совершенно во время последнего возмущения в Абхазии.

Водораздельный хребет, подвигаясь вдоль берега Черного моря к северо-западу, спускается к морю крутыми террасами параллельных хребтов, которые образуют между собою, со стороны моря, узкое равнинное пространство предгорий. Это равнинное пространство Абхазии защищается с северо-запада Гагринским хребтом, наиболее возвышающимся на всем побережье и круто упирающимся в море. Часть этого хребта, от реки Бзыбь до Гагр, абхазцы называют Ахохшера, или горы голубей. Продолжаясь от реки Бзыбь до Сухума и далее, хребет этот имеет весьма мало удобных перевалов. Пространство между этим хребтом и берегом моря представляет равнину, пересеченную в некоторых местах небольшими ветвями гор. Горные реки, при устьях своих, образуют наносные равнины, «выдающийся в море в виде мысов», а небольшие ручьи и речки часто скрываются в непроходимой чаще лесов. Протекая в низменных берегах и часто разливаясь, они образуют почти сплошное пространство болот, скрытое под густым лесом.

Из рек, вливающих свои воды в Черное море, наиболее достойны внимания Бзыбь, Мзымта и Кодор. Первая из них отличается необыкновенною скоростью течения и частым быстрым изменением уровня. Скорость течения и сила падения воды подала повод туземцам назвать ее *бешеной* рекою, потому что, при существующем способе переправы только вброд, в Бзыбе гибнет ежегодно множество людей. В полноводье Бзыб с необыкновенною быстротою выносит в море огромные деревья, «иногда в два обхвата и более, и на несколько миль от берега

заметна муть, от выносимого рекою в море песка и ила, а на поверхности воды, далеко в море, видны плавающие огромные карчи».

Реки Мзымта и Кодор не имеют такой быстроты, и, по выходе из гор, первая течет по болотистой равнине, оканчивающейся мысом Адлер, а вторая течет по большой равнине, оканчивающейся Кодорским мысом.

Вообще же переправы вброд через реки, орошающие Абхазию, хотя и возможны большую часть года, но все-таки сопряжены с большими затруднениями.

Равномерное распределение тепла и обилие влаги делают почву весьма плодородной, отличающейся разнообразием и грандиозностью растительности. Рядом с сосною в Абхазии растет маслина, шелковичное и чайное дерево.

Дуб, ясень, чинар, персики, абрикосы, ольха, гранаты, орех, айва, каштан, черешня, фиговые, яблочные и грушевые деревья составляют принадлежность лесов Абхазии и часто, в низменных местах, овощи и корнеплодные растения, в ущерб вкусу плодов, разрастаются до огромных размеров.

В некоторых ущельях и по склонам гор, в особенности около Сухума, растет буквое дерево и лавр, сохраняющие зелень круглый год. В казенном саду Сухума растут в грунте и дают цветы камелии и мирты. Около Гагр в диком состоянии растут масличные деревья. Местами деревья разрастаются до огромных размеров; дерево теснится около дерева, и абхазские леса, перевитые виноградными лозами, колючкой и другими выющимися растениями, положительно непроходимы. Кто не знает твердо местности и проложенных по лесам узких тропинок, тот не должен пускаться через лес. Огромные пни и корни деревьев засоряют леса и загораживают дорогу со всех сторон.

Засорение леса происходит главным образом оттого, что абхазцы не имеют обыкновения делать больших запасов на зиму для корма скота. Запасы их ограничиваются небольшим количеством кукурузной соломы (челы), которая идет вся на кормление крупного скота. Мелкий же скот сгоняется на зиму в низменные места, где питается молодыми отростками колючки, а за неимением ее пастухи, срубая нетолстые деревья, кормят скот молодыми ветками и почками ясеня, граба, дуба и прочим. Срубленные деревья и обрубленные большие ветви оставляются на месте. Колючие кусты и тысячи нитей выющихся растений, снабженных острыми шипами и широкими листьями, составляют непроницаемую сеть, сквозь которую можно пробраться только при помощи топора и кинжала. Абхазцы имеют для этой цели *цалды*, небольшие топоры; «поэтому иногда, даже видя неприятеля, нельзя было до него добраться и его преследовать. Беспреданно получались известия о солдатах и казаках, убитых из лесу неведомо кем; нередко и сами абхазцы подвергались той же участи, и только после долгого времени успевали узнавать, кто были убийцы».

Растительная способность почвы так велика, что в низменных местах Абхазии нет собственно лугов, а все пространство, не поросшее лесом, покрыто папоротником, ромашкой и колючкой. Склоны гор внизу покрыты густым кустарником и небольшими деревьями. По мере же поднятия в гору деревья увеличиваются в росте и объеме, так что вершины гор покрыты уже густым лесом, состоящим из деревьев значительных размеров.

Большое количество влаги в почве и в атмосфере делает то, что, при обилии соков, дерево трудно высушивается и не отличается прочностью. Та же причина дает средство к зарождению и существованию в деревьях небольших червячков, протачивающих древесину и ствол. Часто в лесу слышен звук, похожий на сверление бурава: то работа червячков или маленьких насекомых, результатом которой бывают весьма мелкие древесные стружки. Морской берег по большей части возвышен и сух, но во всей южной части Абхазии вдоль берега тянется узкою полосой длинное, не просыхающее и поросшее густым лесом болото. Места эти весьма болезненны и, кроме нескольких пунктов, где живут люди, занимающиеся торговлей, по большей части вовсе не заселены. Богатая производительная сила природы дает средство

расти винограду в большом изобилии и почти без всякого ухода. Абхазец пускает свои виноградные лозы на большие деревья, и в таком виде они сами собою достигают до гигантских размеров. В этом только и состоит весь труд абхаза по уходу за виноградом, который все-таки выходит хорошего качества. Приготовленное, самым первобытным способом, из такого винограда вино, в особенности известное прежде под именем бомборского, а теперь выделяемое в селении Лехне (Соук-Су), вывозится в значительном количестве и имеет хороший сбыт в Крыму.

Приготовление вина составляет одно из главных богатств абхазских поселян. Выкопав для этого в земле яму, абхазец обкладывает ее глиной и потом, разложив в ней огонь, обжигает, сколько возможно, сваливает кучей виноград, топчет его ногами и оставляет сок в яме до тех пор, пока он не перебродит. Затем, после брожения, вино вычерпывается, разливается по глиняным кувшинам, которые зарываются в землю.

Такая роскошь природы доставила абхазцу возможность, не прикладывая труда, пользоваться обильными ее плодами. Стада рогатого скота, табуны лошадей и отары овец круглый год питаются подножным кормом, подымаясь то на горные возвышенности, убегая от летнего зноя долин, то спускаясь в ущелья и равнины под защиту гор и леса от зимней стужи и непогоды. Непривычка абхаза и лень его заготавливать на зиму сухой фураж делает скот мелким, малоценным и не имеющим достаточного сбыта на рынках; только и есть хорошего в Абхазии – это буйволы, которые довольно хорошей породы и ценятся высоко.

Скотом абхазцы беднее прочих своих соседей. Лошади их не велики ростом и не отличаются силою. Туземцы предпочитают ослов, которые в большом употреблении. В горах и густых лесах так много дичи и зверей, что хлебопашцы не знают, как уберечь от них свои поля. Дикие козы, серны и кабаны производят довольно убыточные опустошения в засеянных полях, почему абхазцы истребляют их без пощады и продают их головы и окорока за бесценок – часто за несколько зарядов пороха. Из диких зверей в лесах водятся медведи, волки, дикие кошки, лисицы, куницы, шакалы в значительном числе, а иногда попадаются и барсы, преимущественно в окрестностях Пицунды и Гагр.

Та же лень препятствует абхазцу заняться как следует и земледелием. Он не спешит с наступлением весны взяться за плуг или соху, чтобы вспахать свое поле и засеять его; он даже не имеет и понятия, что такое плуг. Возделывание своего участка земли он производит или просто заступом, или сохой с особым деревянным лемехом, составляющим исключительное изобретение и принадлежность только одной Абхазии. Вырубив дерево с изогнутым пеньком, туземец заостривает пенек клином, «к длинному концу приделывает приспособление из веревок для тяги и таким орудием, с помощью буйволов, бороздит землю».

«В урочище Багрыпш, – пишет Аверкиев, – и частию в других местах близ реки Мечищи употребляют следующий способ пахания земли. Занимают под пашню пространство земли, покрытое папоротником, и выжигают его; довольно тонкий слой наносной земли, удобренный золою папоротника, делается очень рыхлым; затем берут несколько сучьев с ветками, до одного дюйма толщиной, заостривают толстые концы сучьев и связывают их один с другим в ряд; заостренными концами бороздят землю и сеют хлеб, потом, оборотив сучья так, чтобы они ветками касались земли, заволакивают маленькие борозды вспаханной земли».

Поступая таким образом, абхазец не боится неурожая. Он знает, что жена его, на которой лежат все тяжелые работы, вскопает таким способом, и кое-как, около его дома полдесятины, а на этой полдесятине Бог дарует ему столько кукурузы и гоми (род проса), что его будет слишком достаточно на годовую порцию всей его семьи. Действительно, урожай посевов бывает необыкновенно большой и доходит для гоми до 1600, а для кукурузы до 1200 зерен, а иногда и более. Из всех сортов хлеба абхазец сеет преимущественно гоми и кукурузу, редко ячмень, пшеницу и фасоль.

Русские научили туземцев разводить капусту, картофель и другие овощи. В некоторых местах разводится табак небольшими плантациями и хлопчатник в очень небольшом количестве, более потому, что в народе существует поверье, что с разведением этого растения в стране будет постоянная засуха.

Запасов на зиму абхазец заготавливает немного и вообще мало заботится о своем хозяйстве.

Садовод не делает вокруг сада изгородей, не сажает деревьев, не укрывает их на зиму, а весной не очищает их от усохших ветвей. И без этих хлопот в вековых лесах Абхазии зреют вкусные яблоки и груши; густой виноградник, отяжеленный полновесными гроздьями, сам собою просится в саклю; волошские орехи, каштаны, винные ягоды, гранаты и другие плодородные деревья, составляющие богатство и заботу русских садоводов, в таком изобилии и оттого в таком небрежении, что ставятся на одну ступень с нашим дровяным лесом. «И вы думаете, что абхазцу нечем полакомиться? Ему стоит только взобраться на дерево с дуплом и взять из него сколько нужно сотового меда, приготовленного безо всякого даже со стороны его желанья. А рыбный стол разве редкость для него? В любом ручье он закинет сеть и вытащит десяток вкусных форелей...»

Богатая природа Абхазии должна была бы служить источником богатства, довольства и даже роскоши для ее жителей, но в действительности она служит для туземца лишь причиной крайней бедности. Уверенный в ее производительности, абхазец предается крайней лени. Он или, вернее, его жена засеивает поле в таком скудном количестве, что, при огромных урожаях, едва может прокормить свое семейство до нового хлеба. Абхазец в течение года работает много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводит в беспечной бродяжнической жизни. Прибрежные жители занимаются рыбной ловлей, преимущественно у устья горных рек, изобилующих лососиной, которая жарится обыкновенно на вертеле и составляет весьма лакомую пищу. Из пород рыб замечательны: сельди, кефаль, камбала, форель, карп и проч. Летом около морских берегов появляется множество дельфинов, которые в хорошую погоду держатся на поверхности воды и играют, вертятся колесом. Жители Абхазии пользуются этим временем, выезжают в море на своих *каюках*, лодках, выдолбленных из одного куска дерева, охватывают довольно большое пространство длинной сетью, с поплавками наверху и тяжестью внизу, заставляющими ее сохранять в воде вертикальное положение. В средину охваченного пространства въезжают два-три *каюка*, и ловцы бьют баграми находящихся в нем дельфинов, жир которых продается потом туркам и грекам. «Этот способ ловли небезопасен, потому что *каюки* иногда тонут под тяжестью убитой рыбы и опрокидываются, когда дельфины ударяют в них, кружась в воде; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей островов Южного океана».

Жир, добываемый из дельфинов, продажа рыбы, вино и лес составляли, можно сказать, почти единственные и главные источники промышленности и торговли. Торговлю абхазцы не занимаются, считая это для себя делом постыдным. Вся торговля находится в руках турок и мингрельцев и состоит в обмене плодов земли и моря, преимущественно на соль и бумажные, грубые изделия заграничного производства. Несмотря на то что собственно в Абхазии нет значительных препятствий к сооружению колесной дороги, перевозка тяжестей на арбах не была в употреблении между абхазцами; все тяжести, не исключая леса, перевозятся на выюках. Перевозка леса таким способом весьма затруднительна, и потому естественно, что главная лесная промышленность должна была сосредоточиться по течением рек, представляющих большие или меньшие удобства для сплава. Оттого по ущельям, пролегающим вдоль по течению рек, лес вырублен далеко в горы на большое расстояние от берега. Вырубка его производилась преимущественно турецкими промышленниками, безо всяких хозяйственных соображений, а в особенности это было заметно на уничтожении драгоценного букowego или самшитового

дерева. Так как оно растет весьма медленно и достигает фута в диаметре только лет в двести, то ему грозило окончательное истребление. Теперь порубка его запрещена.

Мелкая торговля и промышленность состоит в продаже винограда на винные заводы греков и мингрельцев, в продаже огурцов, которые собираются только тогда, когда совершенно пожелтеют, в приносе на базар кур, свежих фруктов, звериных кож, меда и воска в незначительном количестве. Шелководством занимаются только поселяне в деревне Илор, и то в незначительном размере. При дурной размотке шелк выходит недоброкачественный. Туземцы ткут из него довольно порядочную материю – *дараи*, употребляемую преимущественно на рубахи.

В последнее время сделаны попытки к разведению шелка и в других местностях Абхазии. Так, в укрепление Пицунду были доставлены яички из Кутаиси, и вышедшие из них шелковичные черви дали большие коконы, тонкую и мягкую нить.

Скотоводством абхазец занимается только для собственного употребления и не подозревает, что продажей его может извлечь для себя пользу или что скот может служить ему подспорьем к сельскому хозяйству. Он этого не знает потому, что земля его не требует вовсе удобрения. Скота так мало, что на два или на три дома приходится по одной лошади и на каждый дом по одному буйволу и от 2 до 3 коров. Из домашних птиц абхазцы держали прежде одних кур, но теперь, мало-помалу, принимаются за разведение индеек, гусей и уток.

Несмотря на то что из одного улья пчел, по прошествии года, можно получить пять, что каждая колода дает до десяти фунтов меда и до тридцати фунтов воска, что требование на мед значительно, в особенности в наши лазареты, абхазцы мало заботятся о разведении пчел, и пчеловодство у них развито в самой слабой степени.

В горной Абхазии торговля и промышленность находятся еще в более худшем положении. Главный предмет привоза была соль, в которой ощущался значительный недостаток, потом сафьян разных цветов и оружие. Вывоз состоял из воска, меда, звериных шкур, бурок, толстого сукна туземной работы и иногда сарачинского пшена и ячменя.

Горцы не имели своей монеты, но очень уважали всякую иностранную. Более всего встречались монеты грузинские и турецкие; их было немного: *пари* — около 1½ копейки ассигнациями; *пули* — равная старинной русской денежке; *чаури* — около 5 русских копеек; *узалтунни* — около 10 копеек и *абазы* — около 20 копеек.

Из минералогических богатств края следует упомянуть о свинцовой руде, находящейся в селении Анхва, и о каменном угле за селением Аацы, на расстоянии пятнадцати верст от берега моря, у подошвы горы, называемой *Сеффер-беевою шапкою*.

Что касается климатических условий, то абхазское племя пользуется значительным его разнообразием. Население горных стран и северного склона Кавказского хребта испытывает разнообразие климата горных стран, где расположение ущелий и направление хребтов гор обусловливает свойство климата. Жители же собственно Абхазии переносят климат весьма нездоровый. Густые леса, скрывающие под собою болота, и луга, покрытые папоротником, способствуют развитию разных болезней, в особенности лихорадок. Папоротник представляет собою растение с длинным стволом, вершина которого одета большими и широкими листьями. Разрастаясь весьма густо и быстро, папоротники так переплетаются между собою листьями, что образуют сплошной навес, не пропускающий солнечных лучей.

«Понятно, – говорит Торопов, – что вместе с тем испарение от почвы под этим пологом задерживается, вследствие чего усугубляется сырость почвы, бывшей до этого относительно сухой, и на склонах гор и по холмам является теперь как бы полуболото, защищенное от солнца толстою гниущею корою из листы папоротниковой, лежащей на отживших стволах. Период гниения продолжается с конца лета во всю осень, и в это время воздух около таких мест становится до крайности вонюч, тяжел для дыхания, а лихорадки свирепствуют с наибольшей жестокостью». Жители на горьком опыте убедились во вредном влиянии папоротника, и потому не селятся в местах, заросших этим растением.

Организмы животных и человека под влиянием зараженного воздуха, видоизменяясь в размере, цвете и своем составе, порождают болезни и смертность. В Абхазии и люди, и животные недолговечны.

Устранить это неудобство и значительное распространение лихорадок вещь весьма возможная. Стоит только три года сряду выкашивать папоротник весной, пока ствол его настолько нежен, что его берет коса. На первые два года он вырастает снова, но после третьей весны корень его погибает окончательно. Уничтожение папоротника осушает местность, дает превосходные покосы и вместе с тем улучшает климатические условия. Последнее столь очевидно, что и классическая лень абхазца не устояла от этой видимой пользы. Многие из туземцев очищают от папоротника свои поляны и в течение короткого времени убеждаются в действительной и значительной перемене климата к лучшему и более здоровому.

Глава 2

Религия абхазцев и их суеверие. Праздники. Джигитовка и народные игры. Пляски абазин. Народные суеверия и легенды. Гадальщицы, ворожеи и знахарки. Колдуны, ведьмы и водяные

Все народонаселение абхазского племени, в религиозном отношении, делится на три части: православных христиан, магометан и язычников, или людей, не исповедующих никакой религии, а поклоняющихся божествам, ими самими созданным. Абазинцы, по соседству с черкесами, приняли магометанскую веру, отправляют пять молитв, имеют мулл, но в то же время сохранили у себя и некоторые языческие обряды. Последних придерживались особенно баракаевцы, которые позднее других приняли магометанскую религию. Они ели свинину, не исполняли в точности обрядов магометанства и не имели о своей вере точного понятия. Редко раздавался у абазин голос муллы, призывавшего к молитве, а в Медовое он и никогда не был слышен.

Абазин – христианин по множеству сохранившихся в народе христианских догматов; магометанин для вида; язычник – как суевер и невежда. Он обожает некоторые деревья, скалы, рощи и леса, называя их *анаскараным* (заповедными). Жители горной Абазии богаты разными именами богов, между которыми разделили огонь, воду, скот, оружие и проч. Они поклоняются и приносят жертвы тем же самым богам, которым поклонялись черкесы, и даже сохранили им черкесские имена.

У жителей собственно Абхазии точно так же остались следы верований всех народов, господствовавших над их страной. Различные, и часто противоположные, учения о вере образовали в понятии абхаза странное, смешанное и темное представление о святости его верования, и оттого между абхазами нет ни одной религии, которая сохранила бы свою чистоту. Как христианин, так и магометанин одинаково исполняют только наружные обряды своей религии, да и те в искаженном виде; в сущность своей религии ни один абхазец никогда не считал нужным заглядывать.

Абхазцы составляют одно из древнейших кавказских племен. Основываясь на свидетельстве самых древних писателей, можно заключить, что племя это никогда не оставляло своей родины, лежащей вдоль восточного берега Черного моря. Как и все народы, в первое время своего существования они были язычниками, поклонялись деревьям и лесам, которых принимали за богов: вообще обожали природу.

Впоследствии, по сказанию одних, ев. апостол Андрей Первозванный, а по другим, и более точным, сведениям – византийский император Юстиниан распространил в Абхазии христианское учение.

Покорив Абхазию, в 550 году н. э., Юстиниан построил Пицундский храм, во имя Божией Матери, и поставил духовенство. Христианство стало распространяться постепенно между абхазами и было причиной продолжительной войны византийского императора с Сассанидами, кончившейся поражением последних. В конце VI столетия Абхазия, находясь под покровительством греков, пользовалась некоторой самостоятельностью и управлялась своими туземными владетелями, которые, сделавшись наследственными, присвоили себе царский титул. В X веке Абхазия подпадает под власть Грузии, которая с тех пор стала называться царством *Картлипо-Абхазским*, а католикос – глава духовенства Грузии – именовался католикосом Абхазии и всей Грузии. При распадении Грузинского царства, в XIV столетии, Абхазия отделилась от Грузии; церковью ее управлял независимый католикос, имевший пребывание в Пицундском монастыре.

В Драндах существовало особое епископство, и вся Абхазия была усеяна церквями, развалины которых встречаются на каждом шагу⁴.

С падением генуэзских и византийских колоний на восточном берегу Черного моря Абхазия подпала под власть турок, распространивших в ней магометанское учение.

При всех усилиях турки не могли совершенно изгладить из памяти народа воспоминание христианства, но магометанская религия в крае, хотя и не имела значительного успеха, все-таки поколебала христианство.

Православную веру теперь исповедуют все члены владетельного дома, за исключением одного бедного и небольшого семейства, живущего в Пицундском округе и придерживающегося исламизма. Между дворянами седьмая или восьмая часть христиане, а остальные магометане. Из крестьян пятая часть христиан, пятая магометан, а три пятых язычники. Из этого видно, что магометанское учение, в свою очередь, не нашло много ревностных последователей и господствующею религиею в стране все-таки осталось язычество, к которому принадлежит и теперь большая часть народонаселения.

Как правила христианской религии плохо исполняются туземцами, так же точно исполняется ими и Коран Магомеда. Редко абхазец ходит в православную церковь, а еще реже показывается в мечети. Абхазец-христианин не считает грехом подкараулить, где-нибудь в скрытном месте, и убить человека из-за пустой мести, по нескольку лет не быть на исповеди и у святого причастия и есть постное только при недостатке скоромного. С другой стороны, абхазец-магометанин ест с большим аппетитом свинину, пьет вино, не соблюдает постов, не терпит многоженства, но зато позволяет себе менять жен при каждом удобном случае и, наконец, совершает намаз тогда, когда ему нравится, а больше всего тогда, когда находится в обществе уважаемого им турка. В таком магометанстве нетрудно заметить следы христианства, с примесью язычества. Абхазцы-мусульмане плохие последователи пророка; между ними нет ни одного, кто бы знал, в чем заключается учение Магомеда. Большинство не знает, кто такой был Магомед – и, исполняя только внешние обряды религии, магометане, в сущности, те же язычники.

Магометанин видит в Коране скорее средство к отысканию украденного коня, чем наставления и правила к безукоризненной жизни. Муллы не заботились о духовном образовании своих прихожан, а исключительно занимались разбором тяжб и споров, удачно пользуясь суеверием тяжущихся. Они успели убедить народ, что мулле стоит только заглянуть в премудрую книгу пророка, и он, не запинаясь, расскажет по ней прошедшее и будущее. Народ условно верил такой силе и могуществу своих духовных пастырей.

Один из очевидцев рассказывает случай такого суеверия, бывший среди жителей горной Абазии. Пользуясь темнотой и ненастной ночью, горец увел у своего соседа коня. Хозяин, вставши рано утром и не найдя в конюшне лучшего своего коня, отправился к мулле, с полною уверенностью, что последний, посмотрев в священную книгу, укажет вора, тем более что подобное происшествие должно быть непременно записано в книге, так как конь его не какая-нибудь кляча. Мулла долго отговаривался, но настойчивые просьбы просителя и подарок, несколько баранов, заставили его уступить. Собрав к себе всех жителей аула, мулла раскрыл Коран, скороговоркой прочел из него две или три главы и обратился к народу.

– Вот что говорит пророк, – начал он. – Впрочем, не хочу называть по имени вора, чтобы не возжечь вражды и баранты. . . советовал бы ему в следующую ночь привести коня на место. . . или завтра скажу его имя. . .

Обещание муллы открыть на следующий день имя вора сильно подействовало на суеверное воображение последнего. С наступлением утра украденный конь стоял у сакли своего хозяина.

Обрадованный горец бросился благодарить муллу.

---

⁴ Ф. Завадский насчитывает в Абхазии восемь больших храмов и до 100 малых часовен и церквей.

- Недаром я подарил тебе семь баранов: ты возвратил мне коня!
- Ох, правда, – сказал мулла, – но бараны твои...
- Что мои бараны?..
- Их украли, а с ними и пару коней...
- Украли?.. Давай книгу... посмотрим, кто этот...
- И книгу украли! – сказал со вздохом мулла.

Действительно, вор, возвратив коня хозяину, обокрал муллу, а чтобы тот не прочитал имени его в премудрой книге пророка, захватил с собою и Коран, а потом бросил его с камнем в реку.

Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся к религии, что она ни в каком отношении не налагает различия между жителями. В одном и том же семействе можно встретить весьма часто и христианина, и магометанина, живущих между собою в совершенном согласии. Мусульманин не чуждается брака с христианкой, и после того каждый сохраняет свою религию. Во многих семействах часть детей следует христианскому учению, другая магометанскому, без всяких семейных раздоров.

Учение пророка, приняв политическое направление, успело достигнуть того, что исповедание мусульманской религии сделалось как бы отличительным признаком высшего класса людей. Многие, без всякого убеждения, а из одного желания не отделяться от порядочных людей, принимали магометанскую веру. Даже члены владетельного дома, исповедующие православную религию, открыто присвоили себе магометанские имена. Христианские же имена в народе были также мало известны. Такое тесное сближение двух противоположных религий, во избежание соблазна и разных недоразумений, заставило христиан и магометан праздновать вместе Рождество Христово, Пасху, Духов день, совершать Байрам, поститься в Рамазан и Великий пост. Без различия вероисповедания все жители Пицундского округа, питая особое уважение к тамошнему храму, *Льдзаа-ных* (то есть святыня Льдзаа), избрали из своей среды одного пожилого в должность старосты при Пицундском храме. В обязанности его входило содержать в чистоте ограду и самую церковь, наблюдать за иконами, книгами, находившимися в храме, и вместе с тем, в случае надобности, приводить жителей к присяге.

Абхазцы всех трех исповеданий признают Всевышнего, как *Бога богов*, но, кроме того, поклоняются божествам всех стихий, лесов и полей. По понятиям их, божества созданы Всевышним для покровительства людям только на земле, и потому туземцы в одинаковой степени уважают священные леса, боятся не на шутку горных и лесных духов, благосклонность которых, по старой привычке, снискивают жертвами, приносимыми тайком, так как это запрещается им духовенством.

В случае беды туземец обращает свои мольбы к некоторым скалам, к святым деревьям, а к шайтану питает непреодолимый детский страх. Все это, конечно, происходит от незнания догматов религии, а более по недостатку образования. Христиане и магометане, за исключением весьма немногих, проникнуты языческим суеверием, но считают крест лучшим предохранением от всяких невзгод и имеют самое шаткое и искаженное понятие о Боге. Точно такая же сбивчивость понятий о религии существует и между язычниками. Так что, вообще говоря, вся Абхазия поклоняется некоторым божествам, совершает языческие обряды и жертвоприношения.

Божества эти, по понятию абхазцев, не имеют определенных образов и форм, но им необходимо приносить жертвы для испрошения покровительства. Они поклоняются наковальне, приносят ей в жертву козлов, кур и восковые свечи; присяга при наковальне, или заклинание ее, считаются самыми сильными и ненарушимыми. Народ сохраняет суеверный страх к кузнецам и уверен, что они имеют сношение с нечистым. У абхазцев существуют особые молитвы, обращенные к наковальне.

К развалинам церквей питают глубокое уважение и во всех нуждах прибегают к ним с молитвами и жертвоприношениями.

Так, в 22 верстах от Сухум-Кале и в 7 верстах от восточного берега Черного моря, в селении Дранды, есть древний гегуэзский храм, пользующийся особым уважением народа. Другой такой же храм находится в деревне Иллорах.

Окрестные жители селения Дранды часто посещают развалины храма. Они приносят туда все найденное ими: подкову, гвоздь, ремешок, тряпочку и проч. Часто у дверей храма видны зажженные маленькие восковые свечи. Появится ли между овцами болезнь – абхазец приводит к храму ягненка, режет его на паперти и возвращается домой, с полным убеждением, что будет избавлен от болезни, посетившей его стадо. Лишится ли внезапно молока женщина, кормившая грудью ребенка, – она спешит перед захождением солнца в храм, садится посередине его и обливает там свои груди водою из маленького глиняного кувшина, произнося про себя какие-то слова.

По уверению абхазцев, бывали случаи, что молоко возвращалось к просящей.

Таким образом, несмотря на отсутствие верования, абхазец-христианин не лишен религиозного суеверия.

В деревне Иллорах, составлявшей прежде центр всего христианского населения в Абхазии, существует храм, по преданию построенный еще в IV веке и богатый древними иконами.

По рассказам туземцев, в храме этом, от времени до времени, совершается чудо святого великомученика и победоносца Георгия, которого икона находится в церкви.

В день 10 ноября, посвященный памяти святого воина, чтимого даже всеми туземцами и нехристианского исповедания, перед началом утрени появлялся, в прежнее время, в церковной ограде священный бык с золотыми рогами.

Запертая церковная ограда охранялась стражей, и откуда появляется бык – абхазцы объяснить не могут.

По окончании церковной службы, с благословения священника, бык этот закалывался, и куски его мяса раздавались богомольцам, собиравшимся сюда не только со всех мест Абхазии, но и из Мингрелии и Имеретин. Рассказывают, что мясо это никогда не портилось и было спасительно от всякого рода болезней. Появление быка служило предзнаменованием спокойствия, хорошего урожая и вообще счастья в будущем году, и потому этот день праздновался с торжеством и уважением. Но если бык не являлся, то народ расходился в унынии, в ожидании несчастья в будущем, и день 10 ноября проходил для абхазца незаметным. В последнее время что-то не слышно о появлении быка.

Прежде он появлялся каждый год, потом стал показываться реже, через три года, и наконец, в ближайшее к нам время, появился в 1851 году; с тех пор абхазцы напрасно ожидают его прихода.

Суеверие и языческие обряды проявляются и во всех праздниках, где жертвоприношения, как главный догмат религии, составляют непрременную принадлежность.

Так, накануне Рождества Христова, в селениях, смежных с Са-мурзаканью, в Абживском округе, совершается обряд *гоутану* (слово, взятое из мингрельского языка, где прежде также существовал этот обряд, и означающее безрассветный или дорассветный)⁵.

В каждом семействе режут кур, по числу душ обоюго пола, и пекут по четыре *кваквари* — небольшие булочки, начиненные сыром, на каждого отдельного члена семейства. Прежде чем пропоет первый петух ночью, пища должна быть готова: булки испечены, а куры изжарены. С первым криком петуха все семейство встает: хозяйка ставит на стол чашки и в каждую кладет по одной цельной курице и по четыре булочки. К чашке прилепляют восковую свечу, а перед нею ставят, в особой посуде, раскаленные уголья. Все члены семейства становятся вокруг стола

---

⁵ В Мингрелии обряд этот уничтожен епископом Георгием, как несовместный с правилами христианской религии.

на колени, каждый против своей чашки, а старший из присутствующих, сняв шапку, бросает ладан на уголья и просит, чтобы Всевышний избавил все его семейство от поноса, чтобы у всех желудки были в надлежащей исправности. После молитвы присутствующие встают и, повернувшись направо кругом, кланяются на восток, садятся за стол и принимаются за кушанья. Обряд должен кончиться непременно до рассвета; все остатки от кушанья сжигаются.

Вечером, накануне Нового года, все кузнецы и слесаря приносят жертву богу *Шасиу-Абжс-Ныха* (семь святых), которого абхазец представляет себе в семи лицах и считает богом кузнецов и всех искусств, при которых действует молот и наковальня.

С наступлением этого вечера каждый кузнец режет рогатую скотину, а жена его по одному петуху для каждого члена семейства и приготовляет тесто для пирога из пшеничной муки с сырной начинкою. Мясо варят, петухов жарят на вертелах, а пирог пекут. Сложив весь свой инструмент в кузнице около наковальни и принесши приготовленную пищу, кузнец созывает все свое семейство, которое становится на колени, а кузнец, сняв шапку, зажигает восковую свечу и, бросая ладан на уголья, просит своего покровителя ниспослать ему и его семейству здоровье и долголетие. Затем отрезает по кусочку от печенки и сердца зарезанной скотины, от петухов и пирога и сжигает все это на угольях; потом отрезает от тех же частей по несколько кусочков и передает по одному каждому члену семейства, которые съедают их и запивают тремя глотками вина. Окончив эту церемонию, пищу переносят из кузницы в дом, кузнец приглашает своих соседей и открывает пир во славу *Шасиу*.

В селениях смежных с Самурзаканью, в Абживском округе, в это же время совершается обряд *каланда*, почти тождественный с *гоутану*.

После ужина, накануне Нового года, в каждом семействе пекут большой четырехугольный пирог, начиненный сыром. С первым пением петухов пирог кладут на большую доску, прилепляют к ней зажженную восковую свечу и ставят жаровню с углями. Члены семейства становятся на колени вокруг пирога, и старший в семействе, бросив ладан на уголья, просит у Каланды счастья и всякого блага семейству. Пирог едят, а остаток его сжигают, наблюдая особенно за тем, чтобы обряд этот кончился непременно до рассвета.

В самый день Нового года во всей Абхазии исполняют обряд *гуыхва* (сердечная молитва); в каждом семействе пекут, по числу членов семейства, булочки, с вложенными в них сваренными и очищенными яйцами. Старший в семействе подносит такую булочку к груди каждого члена семейства и просит Бога избавить его от сердечных болезней. После этого каждый ест свою булку.

В этот день младшие поздравляют старших и дарят им убитого дрозда, стараясь во время охоты снять ему пулей голову, чтобы тем показать свою меткость в стрельбе. Поздравляющие получают подарок.

Девушки-невесты обыкновенно в первый день Великого поста не едят в течение целого дня и с большим секретом готовят из гоми или муки тесто, для четырех небольших конусообразных постных хлебов. При закате солнца они варят тесто, а когда стемнеет, то приготовленный хлеб кладут в чашку и отправляются к женщине-соседке, недавно вышедшей замуж и заранее предупрежденной о таком посещении. Женщина принимает девушек в особом строении и, когда все соберутся, ставит их полукругом на колени, причем каждая держит перед собою открытую чашку с хлебом. Хозяйка же, став перед ними, просит хороших женихов: для девушки высшего сословия, или дворянки, человека красивого, умного, храброго и гостеприимного, а для девушки низшего сословия – молодого, пригожего, хорошего хозяина и гостеприимного. Хозяйка заклинает, чтобы суженый явился девушкам во сне, разламывает по одному хлебу и дает покушать. Девушки встают и, расходясь по домам, уносят с собою остальные хлебы, которые, ложась спать, кладут под подушку. Они верят безусловно, что, проснувшись на другой день и разломав секретно спрятанные хлебы, девушка найдет в них волосы такого цвета, какие будут у суженого. Насколько ожидания их оправдываются и находят ли они в хле-

бах волосы – решить трудно; но если вы спросите о том у замужней абхазской женщины, то она вас уверит, что сама делала это и убедилась на опыте в непогрешимости такого гаданья.

С наступлением весны жители горной Абазии праздновали *маньч-чекан*, или праздник первого цветка. В этот день все народонаселение сосредоточивалось преимущественно в трех аулах: Там-агу, Агдера и Рьдца, предпочитаемых всем другим аулам, потому что они окружены были лучшими заповедными рощами.

В полночь, накануне праздника, с песнями и стрельбою, девушки под предводительством старух отправлялись искать пятилиственник, а молодые люди рассыпались по окружным курганам и искали клады. По народному представлению, клад составляет кубышка, наполненная сокровищами. С первыми лучами солнца, с музыкой, пением и особой церемонией, все возвращались в аул, сакли которого убраны были зеленью и цветами. Впереди всех старый джигит, повитый дубовым венком, ехал верхом на олене, обреченном на жертву *Мизитху* – богу лесов. За ним следовала толпа народа, и каждая девушка должна была принести с собою на площадь аула или цветок, или ветку и сложить ее у подножия камня, на котором будет принесена жертва Мизитху. Достигнув камня и сложив перед ним свои приношения, девушки становились по левую его сторону, мужчины отходили к саклям, а старый джигит, прося обилия плодов в лесу, ловким ударом кинжала отделял голову от туловища жертвы. Если операция бывала удачна, то в то же мгновение раздавались выстрелы и крики радости, но если голова не была отделена одним ударом, то народ считал, что жертва эта неприятна Мизитху.

Вслед за выстрелами появлялись конные джигиты и шесты, с надетыми на них папахами, которые и расставлялись в разных местах площади. Выстрел жреца служил сигналом для начала игр. Джигитовка и бросание палок составляли главную забаву абазин. Ни один праздник, ни одно торжество в горах не обходились без этих забав. Каждый удачный выстрел или удар брошенной палки давал право на получение цветка, положенного у подножия камня, и приобретение подруги, обязанной плясать с отличившимся весь вечер.

Главнейшая и наиболее употребительная пляска между абазинками была *альзани* — род лезгинки, исполняемой ими с удивительной грацией, жаром и негой. Мужчины почти никогда не участвовали в этом танце. На такой подвиг решались только люди или очень ловкие, или влюбленные, чтобы протанцевать с предметом своей страсти. Зато мужчины танцевали *джигитку* — танец, в котором один из участников платил жизнью или серьезною раной. В танце этом главнейшую роль играли кинжал, винтовка и руки; ноги же тут дело второстепенное. Друзья или люди, не враждебные друг другу, никогда не танцевали джигитки, но всегда принимали в ней участие лица, желающие отплатить старую обиду или похвастать удалью и молодечеством. Не было в горах такого зрелища, которое бы собирало столько любопытных, сколько собирало на арену известие о начале *джигитки* или, лучше сказать, *травли*.

Два соперника или танцора, положив руки на кинжалы и закрыв голову башлыком, отмеривали между собой двенадцать шагов расстояния. Под такт протяжной песни зрителей танцующие, притоптывая и приседая, сходились между собою. Едва только оставался между ними один шаг расстояния, как песня зрителей ускорялась, и борцы, притопнув, с гиком делали три крутых поворота, стремительно обнажив кинжалы. Здесь удар мог быть нанесен только в шею или спину; а так как плясуны делали повороты в одно и то же мгновение, часто с одинаковым искусством владея оружием, то первая половина джигитки кончалась или ничем, или легкой царапиной. Затем зрители очищали арену, чертили на земле большой круг, в который вводили, с завязанными глазами, плясунов, вооруженных винтовками, а сами, под мерный напев той же песни, ложились за камни. В этом случае иногда случались чрезвычайно забавные сцены. Противники, обязанные бить ногами такт песни, преследовали друг друга, стараясь по топоту и шороху угадать место другого. Иногда они сталкивались и, при громком смехе зрителей, падали. Тогда каждый из них спешил подняться и уйти, чтобы не попасть под дуло винтовки, и снова попадал под ноги противника. «Но бывают и такие случаи, которые кончаются для

обоих плясунов последним пируэтом смерти. Бывали примеры, что пляшущие в одно и то же мгновение сходились, оставив друг в друга в упор винтовки, и падали, обагренные кровью».

В этой пляске высказалась вся дикая удаль абазинского племени – и редкий праздник обходился без резни. Из других забав и народных игр можно упомянуть о карточной игре, значительно распространенной между абазинами, и *кефаль-кешь* — игре рыбьими головками. Двое играющих садились на пол сакли, аршинах в двух друг от друга, и поочередно бросали вверх горсть рыбьих головок; на чьей стороне оказывалось более головок, обращенных носиком к играющему, тот и победитель.

Абазины не имели своей песни, несмотря на то что по природе принадлежат к страстным любителям пения; песни в Абазии все кабардинские. Жители собственно Абхазии не имеют ни характерных игр, ни разнообразных танцев. Танец их однообразен, дик и наводит уныние; в нем нет ни ловкости, ни грации: попрыгав немного, танцующий становится на носки – вот и все видоизменение движений. Хлопанье в ладоши заменяет туземцу музыку и сопровождается иногда грустным и диким гиканьем.

Народные песни и напевы абхазцев также не разнообразны, а, напротив того, бедны и однообразны. Они обыкновенно состоят в импровизированном прославлении удалства, набегов и морских разбоев их предков, в воспевании храбрости и могущества кого-либо из живущих соотечественников. За импровизацией оратора другие припевают однотонным голосом: «*Ора, ора, орари, ора!*» Слова эти, не имея никакого отношения к песне, в переводе означают: лес, леса, все лес и лес, характеризуя тем абхазца дикого, выросшего среди лесов и никогда их не забывающего. Импровизаторы были в большом почете, особенно у жителей горной Абазии. С именем импровизатора – *погливана* — у абазин соединялось почетное звание фигляра, плясуна и зачастую ловкого плута. Погливан – это странствующий бард, готовый за деньги воспевать доблести каждого, потешить толпу фокусом или замысловатой сказкой. Ни один пир в горах не обходился без странствующих импровизаторов, которым на пиршестве предоставлялось самое почетное место: оно принадлежит им по праву, потому что они, по умственным способностям, стояли неизмеримо выше своих диких собратьев.

В то время, когда танцы в полном разгаре, импровизатору стоило только ударить по струнам своего инструмента, как, с последним звуком его струны, смолкали смех и говор, прекращались танцы и водворялась тишина. Бросив торжественный взгляд на присутствующих, импровизатор начинал свой рассказ о геройских подвигах одного из предков хозяина. Не щадя своего красноречия, он рассыпал похвалы и преувеличивал славу воспеваемого.

«Если кто-нибудь из слушателей, – говорит Савинов, – в минуту его импровизации швырнет абаз в шапку барда – бард, не изменяя плана своей повести, сумеет вклеить туда подвиги и щедрого или его отца и прадедов. Случается так, что собеседники, желая потешить свое самолюбие, наперебой спешат осеребрить кабардинку импровизатора, и импровизация превращается тогда в целую историю Абазии...»

Кроме импровизации, погливаны странствуют иногда целыми труппами и потешают народ комедиями, содержание которых основано на каком-нибудь историческом событии.

В день празднования православными христианами Св. Пасхи все абхазцы, без различия вероисповедания и сословий, имеют один общий праздник – *Амшан*, что значит *предшествующий день*.

Приготовляясь к празднику, красят яйца, а в самый день его каждый хозяин режет скотину и приготовленную пищу как бы разговляется.

На второй день туземцы совершают поминки и вместе с тем приносят друг другу поздравления, с пожеланием провести счастливо наступающее время.

Жители Абазии считали день Св. Пасхи также великим праздником и старались разузнать, когда праздновали его их враги – русские. Если же сведений этих добыть было неоткуда, то празднование совершалось в начале апреля.

За шестнадцать дней до наступления праздника туземцы заговлялись и постились: не ели баранины и не пили вина. Нравственная чистота, во все это время, сохранялась в полном религиозном значении.

За три дня до праздника совершался обряд покаяния. Весь аул, поднявшись ночью, какова бы она ни была, отправлялся за своим старшиною в лес, к священному дубу. По прочтении молитвы *Сыну Марии* старшина накидывал себе на голову бурку, чтобы не видеть подходящих к нему. Сначала подходили женщины, и, поцеловав кинжал отца, мужа или брата, каждая подходившая вонзала его в священный дуб.

– Помолись Сыну Марии, – говорил старшина, – попроси отпущения грехов твоих и скажи верно и не ложно, что тяготит твою душу.

Кающаяся молилась, целовала дуб и становилась лицом к старшине.

– Кинжал, который я принесла, – произносила она, – пусть найдет ножны в моем сердце, если я солгу перед Сыном Марии.

Затем начиналась исповедь, в которой девушки не принимали участия, потому что горцы не предполагают у девушек особенных грехов. За женщинами подходили к старшине мужчины, по очереди, старшие впереди.

По окончании исповеди все селение тянулось к сакле старшины, где каждый получал по кусочку священного воска.

Вечером, накануне праздника, вдоль ручья или речки, протекающей мимо аула, молодые люди раскладывали костры, старики чистили оружие и, развесив его на гвоздиках, стругали палочки, на которые в день праздника надевался, по обычаю, у входа сакли годовой пасхальный венок.

В это время девушки и молодые замужние женщины исполняли обряд отдания старого воска.

Собравшись попарно, девушки отправлялись к речке, напевая особую на этот случай песню:

Пчелки Черных гор,
Вам спасибо за воск,
Вам за мед наш поклон.
Старый воск, уплывай
По теченью реки;
Горе все ты возьми,
Что принес этот год;
Радость нам оставляй,
Радость слаще, чем мед!

Сплюснутый в маленькие и легкие лепешки, воск бросался в реку; каждая из девушек следила за своим воском, и чей дольше продержится на воде, ту ожидало большее благополучие.

В ночь накануне праздника спали только одни старики; молодежь красила яйца, чистила винтовки, мыла стволы и чадры и с нетерпением ожидала выстрела главы селения – начала праздника.

Но вот с порога сакли старшины раздался давно ожидаемый выстрел, за ним второй, третий – и аул огласился выстрелами, производимыми в каждой сакле. Народ толпою спешил на площадь к небольшому столбику, с воткнутой в него вертикально иглой. Девушки, закрывшись чадрами, по знаку старшины составляли ряд по одну сторону столба, молодые горцы – по другую. Одна старуха с корзиною обходила всех девушек, и каждая из них опускала в нее

яйцо с заметкою, по которой можно было потом узнать его владелицу. Корзина оставалась у подножия столба; старшина брал одно яйцо и втыкал его на шпильку.

– Удар на поцелуй! – говорил он, отходя в сторону.

Желающий испытать удовольствие поцелуя отступал шагов на сто от цели и производил выстрел; промах в этом случае навлекал на стрелявшего общее посмеяние. Песни, пляски, джигитовка следовали за стрельбой и продолжались три дня.

Кроме того, в Абхазии почти всегда в первый день Пасхи, у христиан после обедни, а у магометан и язычников рано утром, совершается в каждом семействе жертвоприношение в честь св. Георгия Победоносца.

Св. Георгий пользуется особым почтением между всеми абхазцами, какого бы вероисповедания они ни были. У каждого хозяина есть в стаде лучшая корова, с обрезанным ухом, и сохраняется отдельно самый большой кувшин, наполненный чистым красным виноградным соком. Вино это и приплод от коровы назначаются для жертвоприношения св. Георгию. Если посвященная корова отелится бычком, то он идет в жертву, а если телочкою, тогда для жертвы откармливают барашка.

В день жертвоприношения все семейство выходит на крыльцо и становится на колени, лицом к востоку. Перед ним ставят животное, назначенное на заклание. Мужчины снимают шапки, и все присутствующие благоговейно складывают на груди руки. Старший член семейства подходит к жертве и берет ее за уши.

– Святой великий Георгий Иллорский! – говорит он при этом. – Приношу тебе определенную моими предками жертву; не оставь меня и мое семейство своим покровительством, дай нам здоровья и долголетия, удали от нас всякие недуги в настоящее и будущее время, сохрани нас от злых духов и от дурных глаз; не оставь также своим покровительством отсутствующих наших родных и друзей и всех тех, кого мы любим!

– Аминь! – отвечают остальные члены семейства, встают и кланяются к востоку, не делая при этом крестного знамения, хотя бы то были христиане.

Зарезав животное, варят мясо, готовят восковую свечу и пирог из пшеничной муки, начиненный сыром. Читавший молитву идет в *таран* — сарай, где сохраняется вино, — и открывает там посвященный кувшин вина.

Туда же приносят вареное мясо и пирог, кладут около кувшина, зажигают свечу, прилепляют ее к горлу кувшина и приносят ладан и горячие уголья. Все семейство становится опять на колени, лицом к востоку, и притом так, чтобы кувшин с вином находился перед ними. На горячие уголья старший в семье бросает ладан и читает снова ту же молитву, на которую всегда домочадцы отвечают словом *аминь*.

Распорядитель обряда отрезает от сердца и печени животного, а также от пирога по кусочку, мочит их в вине и сжигает на угольях. Затем отрезает от тех же частей столько кусков, сколько присутствующих членов семейства, дает их каждому съесть и запить вином из кувшина. После того все встают, кланяются на восток, выносят все из тарана в саклю, где садятся за стол и пируют, приглашая на праздник своих соседей, если у них не было в этот день жертвоприношения.

Кто не мог исполнить этот обряд в первый день Пасхи, тот исполняет его в один из воскресных дней, в течение лета, только не в пост.

Абазины сливали день св. Георгия со днем пророка Илии в один праздник.

Последнему воздавали почти одинаковые почести с богом грома — а в честь св. Георгия посвящался белый конь, который сжигался на костре при ружейных выстрелах и пении молодых джигитов. В этот день молодым лошадям выжигали тавро.

Абхазцы всех исповеданий верят в народную молву, что солгавший перед иконою великомученика Георгия и пред иконами монастырей Пицундского и Иллорского не избегнет нака-

зания, и на этом, как увидим ниже, основана присяга и клятва, произносимая в важных случаях.

Троицын день в горах был праздником женщин. Покупавшись в реке и обмывшись, женщины и девушки, украшенные венками из диких роз, обходили сакли и приглашали мужчин на праздник. Каждый приглашенный брал с собою подарок: шелковую тесьму, ленту, позумент или бусы.

Абазины праздновали день, подходящий к нашему Иванову дню. На этот день женщины расходились с мужчинами и гадали. Отправившись в ближайший лес, до заката солнца, молодая девушка громко произносила там имя своего возлюбленного. Если эхо прозвучит дробно, то не быть ей женою любимого, а если оно отзовется ровно, то заветное желание ее исполнится.

На другой день праздника совершалась, в память святого, общая молитва, и каждый хозяин делал глиною на дверях своей сакли знамение креста, с троекратным произношением имени Ивана, которого горцы считают охранителем дома и подателем здоровья всем живущим в нем.

В народе укоренилось бесчисленное множество суеверий и предрассудков, неразрывных с понятиями людей невежественных, грубых и диких.

Гонит ли пастух свое стадо на лето в горы или спускает их оттуда осенью – он, по народному обычаю, приносит жертву *Афы* (бог грома, молнии и вообще всех атмосферических явлений), закалывает барана, прося бога предохранить его стада от громового истребления. Мясо принесенной жертвы употребляет-с я в пищу лицом, приносившим жертву. Случится ли в Абхазии засуха – народ обращается с просьбою к девушкам добыть им дождя. Одевшись в лучшие свои платья и разделившись на три части, девушки идут тогда к речке, где одна часть устраивает из ветвей плот, другая подносит к плоту сухую солому, а третья занимается приготовлением куклы в виде женщины. Затем приводят ишака, покрывают его белую простыней и сажают на него куклу. Одна из присутствующих берет за повод узды, две становятся с боков ишака для поддерживания куклы, а остальные, разделившись на две части, становятся по обе стороны ишака и в таком виде ведут его к плоту.

– Воды дашь! воды дашь! – поют они хором. – Воду дождевую, маргаритку красную, сын владыки (или владельца) жаждет немного воды, немного воды. (Дзивау дзывава, дзири ква ква, мыкрылд апш ах, и па дыдзыш-войт дзы-хучик, дзы-чучик.)

У плота снимают с ишака куклу, сажают ее на плот, зажигают на нем солому и в таком виде пускают его по течению воды. Потом заставляют ишака выкупаться в той же речке, и как он всегда противится этому, то девушки вгоняют его хлыстами. Переплыв реку и выйдя на противоположный берег, ишак почти всегда начинает реветь, что принимается за хороший признак, и девушки уверяют себя, что дождь непременно будет, и, радостно возвращаясь домой, поют народные песни.

Проходит несколько дней: все ждут дождя как милости, но засуха стоит по-прежнему и жжет все окружающее. Тогда абхазцу ничего более не остается делать, как обратиться с просьбою к богу *Афы*.

Крестьяне толпою отправляются к помещику, просят его принести жертву *Афы* и выпросить у него дождя. Помещик берет из своего стада двух быков, назначает день и место жертвоприношения, а каждый крестьянин приносит туда с собою гоми (пшено), свежий сыр и кувшин вина.

К обряду допускаются только мужчины и для жертвоприношения стараются выбрать место поживописнее, где-нибудь над водою. К рогам жертвы привязывают веревку, конец которой берет один из стариков и, сняв шапку, произносит молитву.

– О повелитель грома, молнии и дождя! – говорит он. – Сжался над нами, бедными: наши посева засохли, трава выгорела; скот издыхает без корма, и нам самим угрожает голод-

ная смерть. Повели скопиться дождевым тучам; повели грому загреметь, молнии засверкать и пошли обильный дождь для спасения погибающего народа.

Словом *аминь* присутствующие заключают молитву. Животное закалывают, и мясо его варят; из гоми и сыра готовят крутую кашу, которую абхазцы употребляют вместо хлеба. Сваренное мясо кладут на плетни, служащие вместо столов, читают еще раз ту же молитву и затем, расположившись под тенью деревьев, пируют, воспевая при этом в честь Аффы песнь, известную под именем *Анчва-рышва* (песня богини).

– Все, чем мы наслаждаемся, – говорит один из стариков пирующего общества, – есть благодать Господня, и мы должны благодарить его за это.

Эти слова служат сигналом для начала песни.

– Боже великий, милосердый! (Анчва дауква злыпха ххаура), – произносит тогда запевала.

Во всех куплетах этой песни запевала обращает свои хвалебные слова к Всевышнему Создателю.

– О ты, который с громом с неба спускаешься, – говорит он, – и с молнией на небо поднимаешься, которому известно число песка на дне морском и т. п., – и затем оканчивает каждый куплет словом *ах-дау* (владыко, великий Господи!).

Все присутствующие разделяются на два хора и повторяют по очереди, и непременно три раза, каждый куплет песни, пропетый запевалой.

Вера в могущество Аффы породила между абхазцами особые обряды при погребении человека, убитого громом. В этом случае родственники не должны плакать из боязни рассердить Аффу, ибо тогда он непременно поразит всех присутствующих одним разом. Семейство убитого тотчас после случившегося происшествия собирает всю деревню без различия пола и устраивает на четырех столбах довольно высокую вышку; потом кладут убитого в гроб и поднимают на устроенный помост, где он лежит до тех пор, пока не останутся одни только кости. Затем гроб с костями предают земле и потом уже совершают поминки. Суеверие это укоренилось в народе до такой степени, что без пляски и песни никто не решится поднять тело человека, убитого громом.

Если молния поразила какое-нибудь домашнее животное, то над ним совершается подобный же обряд, причем вышка становится такой высоты, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звери. Присутствующие разделяются на два хора и совершают вокруг убитого пляску с пением. Один хор поет только слово *во-етла*, а другой *чаунар-оу*, и убитую скотину поднимают на вышку, предоставляя ее в жертву хищным птицам.

Поражение молнией скотины считается хорошим признаком, и потому хозяин, в знак благодарности Богу за посещение, приносит в жертву другую скотину, но в читаемой при этом молитве просит, однако же, Господа, чтобы на будущее время он пощадил его самого и его стада от подобных поражений.

Из мяса принесенного в жертву животного готовят пищу, и в продолжение целого дня угощают ею собравшийся на эту церемонию народ.

Абхазец верит, что молния бьет преимущественно в дубовые деревья, и никогда в грабовые. Поэтому он тщательно уничтожает дуб, и даже с корнем, на значительное расстояние от своего жилища, а во всех строениях старается употребить в дело хотя бы немного грабового леса, который и разводит вокруг своего жилища.

Жертвоприношение в честь грома существовало и у жителей Абазии.

Одновременно с днем праздника пророка Илии, во второй половине июля месяца, абазини совершали жертвоприношение *Шибле* — богу грома. Сохранив одинаковое название этого бога с черкесами, абазини изменили характер и особенности празднования.

Почти у самого истока реки Агуры находится скала, известная в народе под именем *Скала-Гром*, где существуют развалины монастыря и храма во имя пророка Илии. За несколько

дней до праздника *Шибле* стекалось туда множество народа, так что вся долина бывала усеяна группами приезжих. Повсюду видны были арбы с торчащими вверх оглоблями и с привязанными к ним волами и конями. Там, под арбами, девушки одевались в лучшие свои платья; здесь кувыркались ребяташки, сбивая с ног взрослых; группы мужчин и женщин покрывали долину; в одном месте старые джигиты, собравшись в кучку, спорили о достоинствах своих лошадей; в другом – выправляли оружие, чистили коней; мать таскала за волосы свое непокорное семейство, а ее дочка перемигивалась с молодым джигитом; шум и гам эхом дробились по горам. Раздавался выстрел – и все смолкало; за первым выстрелом повторялся другой – и снова все поднималось на ноги. С песнями, под звуки музыки и бубна, двигались к реке Агуры толпы горянок с кувшинами на головах, а мужчины вели своих телят и коров к возвышению, где пестро разодетый старшина, избранный жрецом и окруженный помощниками, должен был приступить к заклятию жертв. Чья жертва оказывалась лучше, тот приобретал титул вызывателя грома; он первый больше и громче других имел право кричать: «*Шибле! Дай дождя!*» Такое лицо делалось падишахом праздника, пользовалось правом целовать любую из красавиц, пить лучшее вино, есть вкуснейшее блюдо, распорядиться играми и сесть на лучшего коня, не разбирая, чей бы он ни был.

– Шибле! Дай дождя!.. – кричит вызыватель грома.

– Шибле, дай дождя! – вторит ему многочисленная толпа.

При звуках выстрелов и бубнов на кургане лилась кровь животных, приносимых в жертву, раскладывались костры у подножия его, развешивались котлы, варилась пища. Вызыватель грома делил пищу и вино между присутствующими, и тогда начиналось пиршество, оканчивавшееся пением, пляской и джигитовкой.

Подобно черкесам, абазины имели *Тлепса* — бога огня.

С приближением праздника каждый хозяин должен был собственноручно выбелить свой очаг и наносить дров.

Накануне праздника жители не должны были иметь ни одной искры в доме, залить угли в очаге, снять кремь с пистолета и винтовки и повесить свою трубку на пояс.

В полночь около сакли старшины раздавался выстрел, и весь аул высыпал на улицу.

– Где Тлепс? Где факел? – спрашивали все друг друга.

Закрытая с головы до ног в чадру, спускалась со скалы девушка с зажженным факелом. Она избиралась жрицей и составляла тайну для всех, кроме старшины и родных. Помолвившись в роще Тлепсу, она приносила в аул огонь на целый год. За это девушка пользовалась правом выбрать себе жениха, кого пожелает и кто бы он ни был. Выбранный зажигал свой факел, и в это время окружающие горы освещались огнями. Жители расходились по домам и ожидали новобрачных, которые входили в каждую саклю, зажигали в ней дрова на очаге и получали калым от каждого хозяина. По выходе из последней сакли жрица поднимала свою чадру и разрешала тем загадку своей личности.

После того горцы пировали всю ночь.

Отправляясь на охоту, абхазец просит удачи и делает жертвоприношение *Ажвешаа-Абна-инчваху* — богу лесов, зверей и охоты.

Партия охотников одной деревни, а иногда и целого околотка, делает складчину, покупает барана или козла и выбирает в лесу место для жертвоприношения. Церемония, с которой совершается это жертвоприношение, та же, что и богу кузнецов, с той только разницею, что каждый охотник сам бросает ладан на горящие уголья и просит лесного бога, чтобы он послал ему счастье на охоте и уделил из своих стад то животное, которое желает убить охотник.

Охота не удалась: охотник трудно верит тому, чтобы божество не услышало его просьб, а старается отыскать другую причину неудачи и вспоминает, например, что при выходе на охоту он встретился с таким-то, колдовству которого и приписывает неуспех своей охоты. Чтобы уничтожить силу колдовства, тяготеющего над ним, охотник старается достать из одежды встре-

тившегося клочок шерсти или даже несколько волосков и, добыв их, раскладывает в лесу огонек, сжигает волоски и потом, прыгая через огонь, считает, что вся сила колдовства исчезла.

Раз в году, летом, обыкновенно в одну из суббот, вечером, только отнюдь не во время поста, пастухи приносят в жертву молочную кашу *Айтару* — богу, покровителю домашнего скота и хуторов. Церемониал обряда этого немногосложен. Вокруг котла, наполненного кашею, становятся все собравшиеся пастухи; старший из них просит покровителя размножить их стада и защитить от нападения хищных зверей, и потом кашу едят.

Пастухи считают этого бога особенно близким к себе и прогневить его боятся больше, чем других богов, вымышленных народом. Поэтому, если кто желает, чтобы пастух исполнил данное слово, тот заставляет его поклясться богу Айтару и тогда может быть уверен в ненарушимости слова.

Иногда богу Айтару приносят в жертву и животных. Выбрав животное и живописное место для жертвоприношения, пастухи отправляются туда вместе со своими стадами, разводят огонь и приводят нарочно откормленного для этой цели телянка. Старший по летам пастух умывает руки и нож, берет телянка, снимает шапку и читает молитву.

– Хахту (Всевышний)! – произносит он. – Приношу тебе эту жертву, по примеру моих предков, и прошу ниспослать здравие и долголетие моему семейству, ближним и дальним моим родственникам; здравие и долголетие нашему владельцу и его семейству и нашему помещику, с его семейством.

После этой молитвы жертва закалывается, и мясо опускается в котел, а произносивший молитву вторично вымывает руки.

Когда из телянка приготовлены разнородные кушанья, тогда приносят раскаленные уголья, зажигают восковую свечу, и старший, сняв шапку, повторяет снова молитву. По прочтении ее от каждой части жертвы отрезается по кусочку, все они сжигаются на угольях, и присутствующие принимаются за трапезу.

Оспа, истребляющая абхазцев в значительном числе, породила у них верование в *Зухана* – пророка Аллаха и покровителя оспы.

Имея веру в единство Бога и в будущую жизнь, все поколения и общества абхазского племени подчинены бесчисленному множеству суеверий и предрассудков.

Они верят в магическое действие и сверхъестественную силу некоторых предметов. Так, хозяин не обносит своих виноградных лоз никакою оградой и употребляет особый способ для сбережения их от чужих рук. Вообще в предохранение от воров привешивают к лозе, к скотине или к каждому другому предмету кусок железного шлака. Не каждый абхазец, и можно даже сказать, редкий из туземцев осмелится тронуть вещь, отданную под покровительство этого талисмана, угрожающего, по народному суеверию, насильственной смертью чужим рукам, которые позволяют себе коснуться его.

Горные жители Абхазии питают большое уважение к можжевельнику, собирают его и, сохраняя в каждом доме, верят, что он имеет силу прогонять нечистого и может служить самым лучшим предохранением от порчи и наговоров.

Несмотря на отчаянную храбрость и удаль джигитов, редкий абазин решится, при ложном показании, прикоснуться ртом к дулу заряженной винтовки; он твердо уверен, что в случае лжи пуля сама вскочит к нему в горло.

Горцы верят в магическое действие сплюснутой пули. Зашив ее в кусок кожи или тряпку и нося на шее, абазин верит, что она лучший защитник его от вражьего штыка и пули. Сплюснутый восковой шарик, испещренный крестами и зашитый в тряпочку, носится почти каждой молодой девушкой. Он имеет силу, по верованию народа, отражать дурной глаз и соблазнять молодых парней.

Подобно соседям своим черкесам, абхазцы признают существование различного рода духов и верят в существование духа – покровителя гор. Дух этот, по народному сказанию, оби-

тает на седловине Главного хребта, между истоками реки Бзыбь, впадающей в Черное море, и большого Энджик-Су, впадающего в Кубань и переделанного русскими в реку Зеленчук.

На краю одного из спусков с хребта стоит не покрытая снегом гранитная скала, с виду очень похожая на высокий жертвенник. К вершине ее, составляющей площадь около трех квадратных сажен, ведут ступеньки, высеченные в граните. Посредине площадки виднеется углубление в виде котла. Проходя по какому-либо случаю мимо этой горы, каждый абхазец считает своею обязанностью подняться на ее площадку и положить в углубление какую-нибудь вещь: ножик, огниво или пулю. Пожертвования эти приносятся с целью умиловить горного духа – иначе, говорят абхазцы, он зароет под снегом путешественника, когда тот станет спускаться, или не пошлет ему дичи, или, наконец, предаст его в руки врага. Каждый прохожий строго соблюдает правило жертвования духу гор. Все углубление площадки до половины наполнено древними монетами, железками от стрел, съеденными ржавчиной кинжалами, стволами от пистолетов, пулями, женскими застежками и кольцами. Все это лежит, гниет и ржавеет, но ничья рука не осмелится коснуться до того, что принадлежит духу гор.

Абазины верят в существование демона и убеждены, что он способен наслаждаться семейной жизнью, обзаводиться потомством и не откажется от вкусного шашлыка и кахетинского. Понятия о демоне и духе гор смешаны у абазинов и равнозначны. По представлению народа, демон сибарит и отчаянный волокита, изнеженный безнравственной жизнью до такой степени, что в одиночной схватке устоит не против каждого джигита, но зато обладает силою усыплять тех, кто захочет до него достигнуть. Пораженный звуками дивной, неземной музыки, приближающийся к нему человек чувствует какое-то обаятельное влияние могучей силы и невольно останавливается. Ему слышится то нежный, страстный плач струны, то журчание серебристого потока, то певучий голос прекрасной женщины. Напрасно смелый джигит силится сделать тогда движение – он не может, он чувствует, как все существо его изнемогает в какой-то мечтательной неге, как чья-то нежная, мягкая рука ласкает его щеки и своим легким щекотаньем наводит сладкую дремоту.

Трудно устоять от такого искушения, но знаменитый джигит Шиарар, слава которого гремела по всей Абазии, победил горного духа, и вот по какому случаю: Гих-Урсан, старшина аула, раскинутого внутри гор, на берегу одного из бесчисленных рукавов реки Киласури, полюбил в молодые годы красавицу Рити, которая соглашалась выйти за него замуж, когда он, при предстоящем набеге, возвратит ей брата, а если последний будет убит, то привезет в родной аул хотя его голову. Урсан дал клятву и отправился с друзьями на поиск к цебельдинцам. В первой схватке с ними, раненный в плечо, Урсан замертво упал между родными трупами. Очнувшись, он вспомнил то мгновение, когда слабевший от раны и помутившийся взор его остановился на убитом товарище, брате Рити, у которого враг отделил голову и, бросив ее в свой мешок, скрылся за скалами. Клятва принести если не труп, то голову убитого товарища свято соблюдалась горцами. Позор и вечное осмеяние ожидали не исполнившего клятвы.

Оттого-то горцы часто дрались с отчаянием и ложились сотнями под ударами пуль и штыков, чтобы только увезти с собою тела убитых товарищей. Не выручив головы брата своей возлюбленной, Урсану нельзя было вернуться в родной аул и приласкать на своей груди кудрявую головку Рити. С отчаяния влюбленный готов был на самоубийство, и рука его невольно скользнула за пояс, ища кинжала.

– Остановись! – прошептал кто-то над его ухом.

Урсан вздрогнул, поднял голову – перед ним стоял молодой цебельдинец, со странною, почти нечеловеческою улыбкой.

– Безумец! – сказал ему молодой человек. – Как будто в этом мире не осталось для тебя ничьей силы, которая бы воротила тебе счастье.

– Ничьей! Ничьей! – отвечал Урсан с отчаянием.

– Как? А горный дух долин наших? Зачем не призовешь его?

– Горный дух! – повторил Урсан и в припадке забытья запел песню призвания...

Протяжный и страшный хохот был ответом на этот призыв. Незнакомец откинул полу бурки – и Урсан увидел мертвую голову брата Рити.

– Вот она! – проговорил горный дух, швырнув голову на колени Урсана. – Возьми ее, – продолжал он, – но знай, что с этой минуты ты мой должник. Через тридцать лет я возьму у тебя, в свою очередь, то, что будет дорого твоему сердцу.

«Прошло тридцать счастливых лет, – рассказывал Гих-Урсан, – пролетело много времени, утекло много воды в Киласури – и я забыл мой долг горному духу... И вот две луны протекли с тех пор, как однажды, ночью, разбудил меня выстрел винтовки. Вскакиваю с войлока, кидаюсь к дверям сакли и у порога ее встречаю поцелуй жены. В ту же ночь Рити разрешилась сыном. Радость моя была выше всех радостей жизни».

Обрадованные родители выбрали своему сыну воспитателя (аталыка) и назначили день передачи новорожденного на руки аталыка. В ночь на этот день кто-то разбудил счастливого отца, который, очнувшись, увидел перед собою духа гор.

– Тридцать лет, Гих-Урсан! Время... завтра я возьму мой долг и твое сокровище!..

Сон сбылся. Едва только воспитатель вынес ребенка на крыльцо сакли, как в голубой выси облаков показался огромный черный орел. Он плыл медленно, со страшным свистом рассекая воздух своими гигантскими крыльями. С протяжным визгом описал он круг, бросился на аталыка, сбил его с ног ударом крыла и, схватив когтями малютку, быстрее ветра и вспышки пороха умчался в поднебесье.

Урсан с отчаяния бросил дом и бежал в надречные скалы искать своего сына, бежал туда, где одни только зловещие черные орлы повили свои гнезда.

«С восходом солнца, пробродив целую ночь, – рассказывал Гих-Урсан, – и ища встречи с тем, кто унес мое счастье, я садился над рекою и долго и молча вглядывался в ее быстрый бег, готовый прыгнуть в крутящийся над камнями бурун. В эти минуты, в стороне, мне часто слышался знакомый плач малютки и чей-то хохот... Тогда я, затаив дыхание и млея от душевной боли, озирался кругом; но, при первом моем движении, все смолкало окрест меня, и снова наставала могильная тишина, изредка нарушаемая ружейным выстрелом, раздававшимся в горах, да взмахом и шумом крыльев орла. Однажды плач малютки и неизбежный хохот раздались так близко от меня, что, вздрогнув, я едва не покатился в реку. Поднимаю голову... и сердце страшно и больно застонало во мне, когда глаза мои остановились на моем малютке. Он, на окраине бездны, играл цветами, а горный дух напевал ему какую-то колыбельную песню. Ветер подбрасывал розы и развеивал черные пряди волос шайтана, обнажая его чудовищное и бледное лицо. Болезненный стон вырвался из груди моей; я протянул руки к видению и пополз на верх скалы, раздирая лицо, грудь об острый кремь. Но зловещий хохот демона встретил меня... и тяжелый сон заковал мои веки».

Семь дней Гих-Урсан любовался издали своим ребенком, семь раз пытался он проползти к нему, но каждый раз был усыпляет демоном. Не надеясь на свои силы, потеряв надежду достигнуть до обиталища духа гор, Гих-Урсан обратился к знаменитому джигиту Ширару, прося его спасти дитя и вступить в поединок с духом гор. Ширар согласился. Несчастный отец вручил ему шашку с крестообразным эфесом. Шашка эта, хотя и сделанная руками гяура, была страшна для шайтана.

– Мне пленный гяур рассказывал, – говорил Урсан, – что это как-то так Аллах уж устроил, что вот, видишь ли, шайтана этот крест будто огнем палит...

– Тсс... – прошептал на это джигит, – слышишь?..

На горе раздавались плач малютки и протяжная колыбельная песня горного духа. Как дикая кошка, запрыгал Ширар с утеса на утес, через стремнины и пропасти, стремясь быстро к вершине скалы. Горный дух старался нагнать сон и на Ширара, но тот, зная, что это очарование демона, вспоминал о шашке, и дремота спадала с глаз его. Закутав башлыком голову, чтобы

не слышать упоительных звуков, Ширар подымался все выше и выше. Сделав еще несколько шагов, он обомлел от восторга и упоения... Перед ним стояла абазинка, легкая, как серна гор, как воздух, красивая, «как первая из жен Магометова рая; она казалась сотканною из зари и воздуха. Наряд ее был так прозрачен, что целомудренный Ширар мог бы сосчитать каждую розовую жилку на персях пери».

Храбрый джигит впился в прелести красавицы; язык онемел, он готов был поддаться обольщению, но мысль о шашке спасла его и на этот раз. Ширар бросился дальше и, в пять отчаянных прыжков, стал в нескольких шагах от горного духа. Последний схватил малютку, вытянулся во весь свой гигантский рост и, подняв его над пропастью, показывал готовность спустить туда свою жертву. Ширар остановился в недоумении; горный дух отступил от пропасти и положил малютку на прежний ковер цветов. В это время далеко внизу, под скалою, раздался отчаянный крик Гих-Урсана, придавший решимости Ширару. Пользуясь тем, что горный дух отделил свою руку от ребенка, смелый джигит с гиком и проклятием бросился на врага и, отломив рукоять от шашки, швырнул ее в демона. Скала дрогнула и пошатнулась в своем основании...

Горный дух со страшным стоном и воплем упал на дно пропасти, известной в народе под именем *Пропасти больного демона* (щайтаа-саи-набрик), из которой слышатся и теперь постоянные стоны и вопли...

С тех пор между абазинами существует поверье, что если новобрачные желают иметь первенцем сына, то стоит только молодым провести три ночи над этою пропастью – и желание их немедленно осуществится.

Кроме того, в Абазии есть еще гора, о которой в народе ходит легенда, одинаково напоминающая сказание о Прометее и Антихристе. Гора эта носит название *Диц*. Находясь неподалеку от абазинского аула Баг, гора эта, опоясанная тремя рядами скал, имеет чрезвычайно суровый и пасмурный вид. В скалах, окружающих гору, видно несколько глубоких пещер. На самом верху горы находится черное отверстие, внушающее неподдельный страх каждому туземцу.

– Худое тут место для каждого живого человека, – говорит абхазец, указывая на отверстие.

По сказанию народа, отверстие это составляет единственный выход из глубочайшей пещеры, доходящей до самого основания горы. В глубине ее лежит *Дашкала*, прикованный к горе семью цепями. Он явится перед кончиною мира между людьми для того, чтобы восстановить брата на брата и сына против отца. Подле Дашкала лежит огромный меч, который он силится достать, но не может, потому что время его царства еще не пришло. С досады он потрясает иногда свои цепи, и тогда горы дрожат, а земля колеблется от одного моря до другого. Когда придет его время, тогда он достанет меч, разрубит им связывающие его оковы и явится в мир губить род человеческий.

– Кто же видел Дашкала? – спрашивал один из русских путешественников.

– Как! – восклицали провожавшие его туземцы. – Да на это не решится ни один человек! Избави Аллах! Говорят, один абазинский пастух, по глупости, спустился в пещеру и, увидав Дашкала, от испуга сошел сума.

Туземцы действительно боятся горы Диц и стараются, если можно, обойти ее.

Суеверие народа обеспечило существование женщин-гадальщиц, ворожей и знахарок. Такая старуха есть в каждом ауле: она и лекарка, и сваха, и гадальщица. Они лучшие посредницы во всех горских любовных похождениях. Передать тайну юной горянки предмету ее страсти молодому наезднику; добыть травки силотворной или питья, зелья приворотного, на случай, если бы понадобилось завербовать чье-нибудь сердце, – это их дело. Гаданье этих старух, «ветхих как сорочка джигита», состоит в том, что они льют коровье масло на огонь и по цвету пламени предсказывают будущее или смотрят в чашу с чистою водою; бросают в реку стружки и наблюдают, прямо ли поплывут они или закружатся; разматывают клубок ниток, отсчитыв-

вают на нем неровности и по числу их определяют долголетие любопытных. Главную же роль в их гаданиях играют травы, зола и лучинки.

Придавая большое значение гаданию, абхазцы верят в существование колдунов, ведьм и водяных. Последние носят название *дзызла* и водятся в омутах, реках и особенно под мельницами.

Водяные черти, а преимущественно чертовки, в представлении народа резко отличаются от подобных же существ других стран. Абхазская дзызла имеет необыкновенно большие, висячие груди, которые она закидывает за плечи «для удобства, а может быть, и для красы». Никто из смертных не увлекался еще красотой чертовки.

«Это совсем не то, что хорошенькие имеретинские *триськали* или славянские *хохотуньи-русалки*, которые, пожалуй, и с ума сведут, и защекочат, но зато, хоть на время, дают и счастье своим любимцам, а злые, сварливые, зубастые бабы, только норовящие, как бы поймать безоружного и прямо утопить».

Народ проставляет себе эту водяную обитательницу женщиной свирепой, но глупой, имеющей нечто человеческое и по ночам сидящей над омутом и плачущей. Плач дзызлы не поэтический, а простое надувательство и желание обмануть добросердечного смертного и, поймав его, утопить.

Глава 3

Абхазское селение. Дом. Одежда. Абхазская женщина и положение ее в семействе. Брачные обряды. Гостеприимство и пища. Семейный быт. Рождение, воспитание и аталычество. Похороны

Переплетенные сарсапарелью ясень, ольха и дуб окружают по большей части с обеих сторон все дороги Абхазии. Изредка кое-где показываются маленькие сырые полянки, покрытые папоротником; холмы сменяются долинами, перелесками, полянками, и наконец является окаймленная небольшими горами долина, на которой, то группами, то в одиночку, разбросаны увитые виноградными лозами грецкие орехи, огромные дубы, а между ними мелькают изгороди, виднеются редкие кровли сакль и торчащие, наподобие русской голубятни, амбары для кукурузы. Таков общий вид этой страны.

Деревень, в европейском смысле, не встречается в Абхазии. Население не сосредоточивается в дружных, скученных жильях, а, напротив того, каждая сакля, со своими незатейливыми службами и небольшими огородами, стоит совершенно особняком и не имеет связи с другими. Деревня, несмотря на то что абхазцы живут небольшими группами, от пяти до десяти семейств, рассыпается по холмам и косогорам на значительное расстояние, и оттого местность принимает вид огромного и великолепного парка, посреди которого как будто «устроены лачужки для сторожей». Дорога редко когда идет мимо жилья, и случается, что проезжий, находясь посреди деревни, не видит ни одного строения.

Кроме роскошной природы, бедность и нищета окружают как жителей собственно Абхазии, так и соплеменные им горские общества абазинского племени. Жалкие аулы последних были раскинуты по дремучим лесам Черных гор, в верховьях ручьев и речек. Все богатство абазина, все его хозяйство заключалось в нескольких сажнях земли, засеянных пшеницею, в небольшом огороде с кукурузою да в сушеных и квашеных лесных плодах. Сакля его вечно скрыта в дремучем лесу или повисла над бездною и сообщается с землею только едва заметной тропинкой, проходимою для одного туземца, привыкшего к горам и любящего, как зверь, свой темный лес.

Та же раздельность и такая же бедность составляют характеристику и абхазцев.

Дома в Абхазии похожи на плохо устроенную корзину, в которой сучья деревьев до такой степени дурно переплетены между собою, что образуют множество отверстий, в которые можно просунуть кулак. Сплетя себе из хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клетушку, накрыв ее сверху камышом, кукурузными листьями или, наконец, папоротником, абхазец считает, что построил себе дом, лучше которого и желать нечего. Перед дверью он делает небольшой навес, внутри у одной из стен – очаг, с такой же плетеной трубой – и сакля готова. В ней он проваляется кое-как зиму, лежа около очага на войлоке или бурке, и лучшего помещенья он не желает и не ищет. Постройка такой сакли стоит одной коровы. Низенькая перегородка делит саклю на две половины, которые, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчин, другая для женщин или большая для людей, меньшая – для скота. С двух сторон, по стенам сакли, ставятся длинные деревянные скамьи, из которых на одной лежит перина или войлок – это мебель сакли. Посредине, на земляном полу, раскладывается костер и служит для обогрева семейства; над костром висит железная цепь с крючком, для поддержания котла. Свет костра, сквозя через стены, отсвечивается ночью на деревьях красноватым цветом и, смешиваясь с мириадами светляков, искрящихся в земле, представляет издали довольно фантастическую картину. В углах стоят сундуки, преимущественно красного цвета, окованные железом и заключающие в себе все фамильное имущество; возле них стоит кадка с кислым молоком, любимым напитком туземца. На дырявых стенах, над нарами, висит оружие:

ружье в чехле, шашка и кинжал; тут же приклеена какая-нибудь грубая лубочная картинка, «изображающая черта с двумя рогами и глупо растопыренными руками» или что-нибудь в этом роде. Над головами протянута веревка, через которую перекинута шляпа и разного рода тряпки.

«В скотной половине меньше удобств, – говорит очевидец, – и из мебели в ней я заметил только одно корыто».

Неподалеку от такого дома видна еще клетушка или корзина, величиною до одной кубической сажени, – это амбар абхазца. Он сплетен также из сучьев и поставлен на четырех столбах до одной сажени высотой. Последнее необходимо для предохранения небольших запасов хлеба от истребления его мышами и крысами.

Дома князей, зажиточных и известных дворян, отличаются несколько большим удобством. Жилища такого рода составляют два строения: большое – *асасайра* (гостиная) и малое – *ашхора*. Большое строение бывает обыкновенно с открытым крыльцом, имеет от трех до четырех сажен длины и от двух до трех сажен ширины. В таком доме делается двое дверей: одни с крыльца и называются *верхними*, другие в задней стене и называются *нижними*. Само строение, дощатое или плетеное, вымазанное глиною и покрытое или соломою, или дранью. Встречаются, но редко, и такие дома, у которых стены рубленые, а потолки дощатые. Внутри комнаты, по одной ее стороне, делаются нары, по другой ставится длинная скамья. Кругом по стенам, в рост человека, вбиты гвозди для вешания одежды, оружия, конского убора и проч. На земляном полу, посреди комнаты, раскладывается огонь, над которым, вверху аршина на три или на четыре, приделывается дощатый щит или потолок, для того чтобы искры костра не могли зажечь крыши. Таково устройство асасайры.

Как раз против нижних дверей большого строения и в нескольких саженях от него устраивается другое – малое. Оно всегда плетеное, вымазанное, круглое, с конусообразной крышей, вроде калмыцкой кибитки, и занимает всего от четырех до шести квадратных сажен. Внутри оно имеет точно такое же устройство: нары по одной стене, длинная скамья – по другой. Нары покрыты ковром или другой материей, смотря по состоянию хозяина, и на них положены высокой грудой тюфяки, одеяла и подушки – это общий вид ашхора.

Князья устраивают, подобно черкесам, *кунахскую*: это небольшая комната, иногда с деревянным полом, камином и шкафом. Вход в такую комнату бывает обыкновенно со двора; против двери сделано в земле углубление, в котором разводится огонь.

Дым от горящих дров идет на этот раз в трубу, сплетенную из сучьев и обмазанную внутри глиною, смешанною с навозом. Случается, что подобные комнаты бывают вовсе без окон, по большей же части в стене, противоположной двери, проделывается одно окно, да и то оно постоянно заперто ставней, отпираемой по временам, когда надо посмотреть из кунанской, что делается на дворе; свет в комнату проходит через растворенные двери. По стенам вбиваются также гвозди для вешания оружия, а у богатых на полу разостланы ковры; для омовения, по магометанскому обычаю, имеется таз и кувшин, а для молитвы небольшой коврик.

Угол комнаты, наискось от входа, ближе к которому проделывается окно, считается почетным и предназначается для гостя.

Вообще жилище абхазца бедно и не чисто, сами жители крайне нечистоплотны; грязь и рублища составляют достояние бедных; впрочем, и богатые не очень беспокоятся о чистоте в одежде и в доме.

«Вся посуда в семействе бедняков состоит из небольшого чугунного котелка и двух или трех маленьких ведер, в которых держат молоко; если деревянная посуда течет, то щели замазывают глиною, смешанною с козьим навозом».

Абхазец вообще груб и невежествен; в нем нет стойкости и твердости характера, он непостоянен, не смел и даже робок, вероломен, осторожен и всегда покорен перед сильнейшим.

Ума у абхазцев немного, и к тому же они мало способны к умственному развитию; но у них много практического смысла, и тот круг небольших понятий, который им доступен, разработан ими отлично.

Вся цель, вся жизнь его направлена по большей части на приобретение, по возможности даровое, каких-либо вещественных выгод. Отличительные черты его: воровство, корыстолюбие, в самых мелочных размерах, и отсутствие честного труда и любознательности. Воровство считается молодечеством и удалством. Самым лучшим человеком в крае считался тот, кто произвел более разбоев и убийств. Вся слава состояла в том, чтобы бродить из одного места в другое, из одной засады в другую, воровать имущество неосторожных лиц, их скот, а при удаче и самих поселян для продажи в неволю.

– Ты еще, кажется, ни одной лошади не сумел украсть, – говорит часто в укор девушка молодому парню, – ни одного пленного не продал.

– Помоги тебе Бог, – говорит мать, благословляя сына и передавая ему в первый раз шашку, – этой шашкой приобрести много добычи *и днем и ночью*.

Понятия абхаза почти во всем противоположны понятиям европейским. «Их идеалы – идеалы голодного дикаря и разбойника; их характер деморализован. Разбойник есть самое занимательное лицо абхазских сказок; он искони пользовался почетом, славою, даже безопасностью. Бесперывные набеги чужих народов, мелкая тирания, продажа людей, вредное влияние магометанства – все это довело народ до страшного нравственного ничтожества, сделало его ленивым, беспечным и нечестным». Характер абхаза глубоко испорчен. Несмотря на эту испорченность, на многие безнравственные черты в народе, нельзя все-таки отрицать в нем известной доли благородства.

Князья и дворяне, в особенности те, которые получили воспитание, вежливы и честны.

Вообще абхазцы держат себя свободно, говорят с каждым без стеснения, подбоченившись или опершись на ружье.

Гордость и сознание собственного достоинства проглядывает во всех движениях абазинского племени, которое отличается большой суровостью и воинственностью, уступающею только одним черкесам. Занимая весьма лесистую и гористую местность, абазины дрались всегда храбро, преимущественно пешком, и пользовались славою отличных стрелков.

Абазин честен, прям и откровенен. Испытанный в непрерывной вражде с соседями и русскими, он всегда смел и любит опасности, с которыми рождается и умирает. В домашней жизни, одежде и вооружении абазины не только мало отличаются, но совершенно сходны с черкесами, и только две особенности, весьма приметные для жителя гор, отличают черкеса от абазина: кафтан и башлык. Кафтан, с нашитыми на груди патронами, абазины носят гораздо короче черкес и обвивают башлык около шапки в виде чалмы, когда концы его не распущены по плечам в защиту от дождя. Черкесы подобным образом башлыков никогда не носят.

Черкесы носят всегда башлык белого цвета, а абазины и абхазцы предпочитают башлыки темных цветов; жители собственно Абхазии носят башлык, подобно черкесам, с распущенными концами. Вообще одежда абхаза весьма близко подходит к черкесской, но абхазец чисто и щегольски никогда не одевается. На нем почти всегда надета оборванная, вечно дырявая подмышкой черкеска, сшитая из грубого сукна домашнего приготовления; узкое, короткое нижнее платье, с ноговицами другого цвета, остроконечная шапка, всегда прикрытая башлыком, и рыжая бурка – вот и весь его костюм. Жители селений, ближайших к Мингрелии, носят иногда мингрельские и имеретинские шапочки, но предпочитают, впрочем, свой национальный костюм. На ногах, не всегда однако же, туземец носит *постолы* — обувь среднюю между русским лаптем и турецким башмаком. Постолы изготавливаются из сырой кожи, прикрепляются к ноге ремнями и вооружены шпорой. Князья носят черные или красные черкесские чупьяки.

Абхазец вооружен кинжалом, который носит за поясом, шашку – у бедра, ружье – за плечами; а на пояс он надевает пороховницу и металлический ящичек, в котором хранит сало для смазывания пуль.

Цвет лица его смуглый, рост средний, волосы черны и перепутанны, вся фигура костиста и сухощава; большинство мужчин бреет головы. Жители Сухума и его окрестностей имеют цвет лица бледно-желтоватый.

Красота мужчин в Абхазии преобладает над красотой женщин, тогда как у абазин наоборот. Там женщины и девушки прекрасны в полном значении этого слова; они рослы и стройны до очарования. Здесь между женщинами встречается весьма много лиц замечательной красоты. «Принадлежит к числу тех соблазнительных горских красот, – говорит очевидец про одну из девушек, – о которых предание носится по всему востоку, и наивно кокетливая, рисуясь выказывала она свою тонкую талию и пышный стан, обтянутый синим бешметом, белизну маленьких рук и белизну ног, выглядывавших из-под красных шелковых шаровар, вышитых золотом. Длинные черные волосы, густою волною, падали по плечам; глаза горели тусклым огнем под белою кисейною чалмою: она поражала своею красотой».

При необыкновенной белизне и нежной, розовой прозрачности тела, природа наделила абaziнок черными кудрями и черными глазами, опущенными длинными и мягкими ресницами. Турки, скупая горских красавиц, предпочитали всем другим абaziнок и черкешенок.

Наружность мужчин, как и всех горцев Кавказа, приятна: они смуглы, худощавы и черноволосы; выражение лица их всегда умное, смелое и доброе. Глаза живые и быстрые, получающие, в минуту гнева, какой-то особенный блеск, который, при смуглости лица, часто обезображенного вспышкой гнева, придает их взгляду особую страстность.

Женщины в Абхазии, как и везде, гораздо чистоплотнее и опрятнее мужчин. Исполняя все полевые и черные работы и занимаясь всем домашним хозяйством, абхазики одеты в чистое ситцевое платье, покроем своим подходящее к европейской одежде, и белые покрывала.

Абaziны вообще не имели привычки скрывать своих женщин, но в Абхазии помещики и князья, придерживаясь магометанского обычая, скрывают своих жен от постороннего глаза и показывают даже и врачу ручку своей больной жены не иначе как сквозь прорезанное в ширме отверстие. Жены же простых крестьян показываются довольно свободно, а молодых девушек и вовсе не прячут.

Незамужние женщины у крестьян не закрывают свои лица и черные острые глаза; а замужние хотя и обязаны закрываться, но, при встрече с мужчиною, показывают только желание прикрыть себя платком или руками, но на деле не исполняют и этого. Все женщины заплетают волосы в косу и повязывают голову платком; носят шали или греческие курточки и обуваются в аккуратно сшитые чувяки собственной работы. Женщина-абхазка ловко ездит верхом на мужском седле, потому что об экипажах, кроме своей неуклюжей двухколесной арбы, абхазец не имеет понятия.

Красивых женщин в Абхазии мало, и они вообще весьма скоро старятся. В них нет грации, деликатности, нежности и свободы. От тяжелых работ, которые исполняет женщина в домашнем быту, она огрубела, а постоянно висящая над нею власть мужа, который имеет право над женою жизни и смерти, сделала во всех ее движениях и поступках что-то робкое, нерешительное.

В прежнее время турки в большом числе вывозили абхазинок, и вывели лучшие типы. На долю абхаза осталась посредственность, весьма скоро стареющая. Старухи, с своими пронзительными черными глазами, морщинами, горбатым носом и отвислыми грудями, похожи на ведьм, в полном значении этого слова. Подобно черкесам, абхазики сжимают грудь молодых девушек особым корсетом, причем две деревянные дощечки, не снимаемые ни днем ни ночью, давят на молочные железы и, препятствуя их развитию, делают то, что у абхазинок

взрослых девушек грудь плоска, как у мальчика, а с выходом ее замуж грудь весьма некрасиво отвисает.

В Абазии девушки не носили такого корсета и потому отличались особой стройностью стана, но и в Абазии красота женщины скоро отцветала. Тринадцать или четырнадцать лет были полной порой их расцвета, и в это время они выходили замуж. С двадцати лет они уже увядали, а в двадцать пять лет делались старухами.

Несмотря на некоторую наружную свободу, предоставленную женщине, она в полном смысле раба своего мужа и в крестьянском быту выполняет все тяжелые работы. Как в Абазии, так и в Абхазии одинаково смотрят на женщину, которая, в глазах мужа, не более как старшее в доме рабочее животное, о котором можно гораздо менее заботиться, чем о лошади. Женщина не знает ласк ни мужа, ни сыновей, которые по большей части со дня рождения отрываются от груди матери и отдаются на воспитание в чужие руки, в чужой дом и даже вне своей родины. Чувство сыновней любви не может развиваться в таких детях, и она не известна абхазцам. Жена не может вступать с мужем в разговор, пока ее не спросят; не имеет права сидеть при нем, и при постороннем лице не получает даже от мужа непосредственных приказаний, а всегда через кого-нибудь другого. Услыша голос мужа издали, она обязана выйти к нему навстречу и ожидать его стоя, держать его коня, расседлать и присмотреть за ним. Мужчина, при всяком удобном случае, старается показать перед женщиною свое высокомерие и гордость, но сознает ее физическую слабость и старается угодить ей. Справедливость требует сказать при этом, что гнет женщины был скорее нравственный, чем физический. Домашняя жизнь туземца тиха, и со стороны мужа, как сознающего свою силу, было полное снисхождение; муж никогда не прибегал к побоям или ругательствам жены, и с подобными недостойными сценами семейная жизнь абхазца не была знакома. Несмотря на то что женщина проводит всю свою жизнь под гнетом мужа, удивительная чистота нравов есть принадлежность женщины всех племен абхазского народа. Ни рабство, ни тяжкие труды не могут заставить жену забыть свой долг и изменить мужу. Подобная измена влечет за собою или смерть от руки мужа, или продажу в неволю. Если где и встречается измена, то в приморских местечках, где всегда находятся такие почтенные старушки, которые помогают своим приятельницам водить за нос мужей. Абхазцы, впрочем, далеко не равнодушны к подобным интригам. Видимо или наружно холодный к прелестям своей жены до тех пор, пока она верна, туземец воспламеняется, когда проведает об ее интригах, и мстит жестоко соблазнителью, а жену наказывает еще строже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.